
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОЭМА

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия).

НОЧИ ДИАНЫ
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

1. Мыс

Диана постояла еще некоторое время на дороге, хотя машина давно скрылась за поворотом, и шума мотора уже не было слышно. Над ней только сосны протяжно шумят на ветру. В этом звуке есть какая-то грусть, пустынность. Это звук прощания, разлуки, одиночества. Этим шумом начинается роман Хемингуэя «По ком звонит колокол», но как странно звучит он сегодня, когда все вокруг пронизано... Нет, это даже счастьем назвать нельзя. Это, скорее, сон. Сегодня, прямо в этот миг, есть то, чего не бывает на свете.

Когда-то давным-давно она написала Янке, что они обязательно встретятся, будут вместе. Написала тогда и, прикусив губу, долго разглядывала строки своего письма, осознав вдруг, что это просто слова, буквы и глупые мечты. Янка, та на шесть лет старше, и она, конечно, понимает, какой от Дианкиного письма веет наивностью. И вот теперь, очнувшись от нахлынувших воспоминаний, она оглянулась на свой дом, увидела над ним голубое небо, сосны, озаренные, солнцем и с наслаждением подумала — ЯНА СО МНОЙ! Она сейчас за домом, под вишневым деревом читает книгу. Она здесь, и будут они вместе целое лето до самой осени! Боже, Дианка улыбнулась, — спасибо тебе за все! И она посмотрела на небо, на облака, ведь надо же посмотреть на того, к кому обращаешься. А на что еще она может посмотреть, как не на мир, который ее окружает. Это день счастья! Иные рассуждают, а бывает ли оно, и что это такое. Бывает. Вот оно. И не надо мне других чудес.

Диана пошла к дому, сорвав по пути веточку полыни, что росла у забора, размяла в пальцах и вдохнула кружащий голову аромат. «И почему же все вокруг пронизано для меня литературой? — думала она.— Весь мир, куда ни повернись, на что ни взгляни, все навевает воспоминание о прочитанных книгах. Так и сейчас она вдыхала

печально-щемящий аромат «Тихого Дона». Полузакрыв глаза, она увидела бескрайнюю степь, пахнущую горько и терпко... Это запах жизни, счастья и горя...

Не надо только говорить другим о том, что творится в ее голове. Она и вправду, наверное, чуточку... ну, не такая, как другие. Но Янке можно открываться полностью. Янка — это она сама. Надо скорее, скорее идти к ней. Каждая секунда, каждый миг для меня теперь золото, думала она. Как бы остановить время, чтобы жить в вечности? Надо просто не думать ни о чем и наслаждаться каждым вдохом воздуха, пахнущего морем, каждым звуком, каждой капелькой росы на маленькой ели у дома. Как удивительно эти искорки блестят сегодня — голубые, розовые, желтые...

— Янка, я уже тут,— сказала она, заходя за дом, но не увидела Яну у вишневого дерева.

Диана остановилась в нерешительности, с тревогой оглядывая двор. Вот ее коляска с оставленной на сиденье книгой, ее широкополая соломенная шляпа, подвешенная на ручку, чуть колышется от ветра...

— Диана, иди ко мне! — услышала она голос Яны, и тут же увидела ее за вишневым деревом, лежащую на краю клумбы.

— Янка, что случилось! — бросилась она к ней.

— Да я тут наверху. Подожди, не поднимай меня. Я сама встану. Ты подкати только коляску.

— Зачем же ты встала! — шептала Диана, помогая ей встать.— С тобой все хорошо?

— Да, все в порядке. Здесь же мягкая земля.

— Ой, кошмар! У меня же тут колышки поддерживают розы.

— Нет, я приземлилась очень удачно.

Диана подкатила коляску, Яна подползла к ней на четвереньках и с помощью Дианы села в нее.

— Ну вот, все хорошо,— сказала она улыбувшись.

И тут же Диана почувствовала, что улыбка ее совершенно искренняя и детская. Диана вытащила еловую иголку из ее роскошных, рыжих волос, поправила их и посмотрела в ее голубые глаза, чистые, как небо.

— Фу-ф! Меня аж трясет,— все не могла она успокоиться

— Диана, у тебя слишком пылкое воображение. Я упала прямо как на мягкую подушку. Обещаю, что без тебя не буду вставать.

— Да уж, давай-ка со мной.

— Как там наши рыболовы? Надеюсь, дождя не будет,— сказала Яна, отряхивая джинсы.

— Можешь не беспокоиться. Ник в этом деле профессионал. Палатка у них есть, берег не топкий. Ночью там знаешь сколько доночников сидит. Мы там часто бываем.

— Не знала, что и ты рыболов,— удивилась Яна.

— С детства обожаю. Но тогда я ловила вообще, банкой. Разве не писала тебе?

— Помню-помню.

Яна в своем кресле на колесах улыбнулась и, хоть и осталась сидеть, сложив руки на коленях, Диана прямо таки почувствовала, как Яна словно протянула к ней свои руки и обняла ее всей душой.

— Потом, чуть позже, позвоним им,— сказала Яна.— Чем займемся сегодня?

— Давай соберем вишню, я сварю варенье. Мы как раз успеем собрать до дождя.

— Думаешь, будет дождь?

— Конечно. Видишь, облака вдоль моря летят, утром была гроза и скоро новая тучевая волна придет. Так весь день и будет — то солнце, то гроза, если ветер не поменяется.

— Ты прямо зверобой и следопыт вместе взятые,— улыбнулась Яна.

— Я здесь родилась, и все приметы знаю не из книжек. Так что сегодня день хороший. И дождь будет, и солнышко. Вот если бы тучи летели с реки на море, то это беспросветный, монотонный дождь на весь день.

— Прямо как у людей. По большей части, люди, как сегодняшний день,— то солнышко, то пасмурно. Хуже, когда беспросветный и монотонный дурак.

— Ну, я от радости, наверное, совсем как дурочка,— произнесла с нарочитой опаской

Диана и, улыбнувшись, забыв про все опасения, протянула Яне глубокую тарелку.— Давай собирать.

— Мне нравится твоя прическа,— улыбнулась Яна, глядя на Дианку снизу вверх, сквозь ветви.— Такой, знаешь, художественный растреп.

— Ага, с легкой ноткой безумия.

— Какая же Дианка без «легкой нотки»... М-м-м! Какая вкусная,— сказала Яна, взяв в рот вишню и, выплюнув косточку, взглянув на грозно синеющую за деревьями тучу, заметила.— Пожалуй, до грозы не успеем.

— А, сколько успеем, столько и хорошо. А дождь пойдет, будем под навесом сидеть, да семечки щелкать. Кстати, наверное, щелкать семечки, это исключительно русская привычка.

— Вовсе нет.

— Нет, я не говорю там про венгров, румын, поляков... Но в Европе это ведь не принято.

— Ты ошибаешься. Еще как щелкают. Угадай, например, где,— Яна взяла еще одну вишенку в рот.

— Ну-у-у, наверное, в Японии.

— Ха! Японцы, те вообще все умеют. Нет, бери подальше.

— Не знаю. Сдаюсь.

— Ну как же! Еще целый сериал был.

— Я не смотрю сериалы. Янка, говори скорее.

— «Секретные материалы» смотрела?

— Ну, несколько серий смотрела.

— Ты что, не помнишь, там Дэвид Духовны весь фильм семечки щелкает. Это у него там фишка такая — сидит за компом, размышляет о всяких тайностях и семечки щелкает.

— Ну-у, так это фишка. Точно также он мог бы, для сосредоточения, играть на африканском барабане.

Яна отдала Диане полную тарелку вишен, блаженно потянулась.

— Как хорошо тут у вас! — сказала она.— Тишина, покой, никакой городской суеты.

— Да. У нас и телевизора нет. Надоела вся эта политика, грызня пауков в банке. Люди во власти, я тебе скажу, это кошмар какой-то! Я во власти была. Я уж знаю.

— Это когда же ты была во власти?

— В четвертом классе. Наша классная пришла однажды и говорит, что нужно выбрать председателя комиссии по художественной самодеятельности. Повела глазами по всем, на мне остановилась. Предлагаю, говорит, Диану. Она девочка с фанта-

зией, инициативная, заметная, учится хорошо. Все тут же обрадовались, что не их выбрали: да! да! Диану! Ну что же, говорит классная,— «теперь Диана ты председатель комиссии, а это дело ответственное». И тут, Янка, я сижу и чувствую, что со мной что-то не так. Не могу понять, что. И вдруг поняла. У меня, непонятно почему, начали раздуваться щеки.

— Как это? — прикрыла рукой рот Яна.

— Не знаю. А только чувствую, что щеки раздуваются. Аж больно стало. Представляешь, как будто по яблоку под каждой щекой. Наверное, если бы тогда посмотреть на меня с затылка, то щеки были бы видны.

— Ой, Дианка, не могу!..— Янка рассмеялась.

— Но я не долго была председателем. На той же неделе я сорвала занавес в актовом зале и разбила окно... Ну, знаешь, как это бывает — мячом на перемене. Меня с должности и сняли. Выбрали другую девочку. И что ты думаешь! Такая серая мышка была и тоже сразу наэлектризовалась, стала такая громкая, звонкая, фигурка изгибистая, глазки лучистые... Что ты. Власть, такое с тобой делает!..

— Дианка, прекрати, косточкой подавлюсь. Тебя нельзя без смеха слушать.

Дождя еще не было, но они услышали нарастающий шум его приближения. Ветер сорвал с головы Яны шляпу и забросил в ветви вишни. Диана быстро ее подхватила и повезла Яну под большой навес у входа в дом. Дождь, словно шлепки по голому телу, зашумел по плитке двора, мягко по поникшей траве и глухо, раскатисто, по крыше навеса. Диана присела у ног Яны. Маленькие капельки сверкают в ее темных, коротких, чуть включенных волосах. Яне показалось, что в глубине глаз Дианы, в ярком, влажном блике она видит себя, на фоне потемневшего неба, с неожиданной вспышкой ярко-красного облака, озаренного солнцем.

Яна смотрит на Диану и вспоминает волосы, которые у той были в детстве — длинные, роскошные. А может, и правильно. Она уже другая. И эта бунтарская прическа подходит ей больше.

— Хочешь отдохнуть? — спросила Диана.

— Так я и отдыхаю. Я посижу здесь, твою книгу почитаю. А ты приходи, когда закончишь. Что же это такое — мне все время хочется быть с тобой! Приходи скорее, а то все крутишься и крутишься.

— Я быстро. Вишневое варенье надо варить лишь по пять минут в день. Три дня, и готово.

Яна услышала за спиной уютные звуки из кухни. Вон Диана достает посуду, сыплет сахар. Яна откинулась на спинку коляски, закрыла глаза и стала слушать, как шумит дождь. Стало еще темнее, резкий шквал обрушился на крышу, и мелкая дождевая пыль обдала лицо Яны. Она спрятала книгу под свою майку и прикрыла ее руками, скрестив их на груди.

— А ведь многие в наше время варенье просто покупают,— сказала она, обернувшись в сторону кухни.— Много раз слышала — зачем, мол, заморачиваться.

— Что там варенье! Многие и любовь думают за деньги купить,— отозвалась из кухни Диана.— Что-то произошло с людьми. Что-то они потеряли. Читала «Вино из одуванчиков» Брэдбери? Помнишь, как там зимой доставали из кладовой пыльные бутылочки, наполненные не просто вином, которое можно купить в магазине. Нет, это было вино из одуванчиков, *которое они собирали летом на поляне*. Бутылочки были наполнены солнечным светом, теплом летних вечеров, ароматом скошенной травы, эхом, которое разносилось закатными вечерами... Ведь Брэдбери писал для того, чтобы люди почувствовали красоту мира, настроили по его текстам свою душу, как пианино настраивают по камертону. «Вино из одуванчиков» — это самый настоящий камертон. Это надо чувствовать. Тут целая философия!.. Взять сегодняшние

вишни. Мы вместе их собирали. Твои руки касались ягод, а потом мы бежали прятаться под навесом от дождя. И, наконец, самое главное, когда мы срывали вишни, у нас целое лето было впереди. Разве можно не вспомнить об этом зимой, когда я открою баночку вишневого варенья.

— С капелькой дождя,— добавила Яна.

— Класс!..— воскликнула на кухне Диана.— Отличное название! «Вишневое варенье с капелькой дождя»! Я потом запишу это. Ты мне, вообще, подкидывай идеи. Я сейчас как раз нахожусь в «межроманье».

— Давай, запиши. Может, даст тебе идею.

Дождь прекратился так же резко, как и начался. Выглянуло солнце, и запел дрозд на ветке. Звуки его рулад разносились в чистом воздухе, и где-то вдали, еле слышно, отзывалась другая птица. Яна достала книгу из-под майки и нашла заложенную ивовым прутиком страницу, на которой остановилась. Книга небольшая, с палец толщиной. На обложке ее, Янкина акварель — девушка на голубой лавке, за ней море, солнце, легкие облака. Девушка, приподняв руку до уровня лица, держит листки письма, которые, кажется, вот-вот выскользнут из ее пальцев и полетят, подхваченные ветром.

— Диана!

— Уже заканчиваю.

— Ты такая молодец! Книга у тебя потрясающая!

— Ну-у-у, некоторые места неплохие,— показала из кухни Диана и, подойдя к Яне, склонилась над книгой.— Ты где сейчас читаешь? А... Концовка, мне кажется, удалась. И твоя акварель на обложке здорово смотрится.

— Мне все очень нравится. Теперь ведь так мало настоящих книг о любви, а у тебя получилось так искренне, хорошо!

— Это приятно. Но странно как-то. Не правильно все это.

— Что?

— А то, что люди не читают Лескова. Многие о нем даже и не слышали. А вот Диану Асарову читают. Это же нелепо и совсем не делает мне чести. Я скажу тебе так: я пишу не для того, чтобы читали Диану Асарову, а для того, чтобы читали Лескова. Хотя, хорошие книги и сейчас есть. Ты читала «Любовь во время чумы» Маркеса? Вот, я тебе скажу, книга так книга! Она у меня — настольная. К такому надо стремиться. Если хочешь, почитай потом. Я закончила ее и тут же начала читать по второму разу. Представляешь, как меня проняло!

— Обязательно прочитаю. Не забудь, дай мне ее. Кстати, о любви... Как там наши парни? Обещали позвонить, как только приедут на место, и ни гу-гу,— Яна потянулась к сумочке с телефоном.— Ты говорила, что это где-то тут, неподалеку.

— Не надо, не звони,— Диана взяла телефон у нее из рук.— Пусть на волюшке побудут. Что мы их дергаем. Потом позвонят, когда поймут что-нибудь крупное. А мы с тобой тоже сегодня гульнем! У меня вобла есть. Пивка купим!.. Оторвемся, подруга!

— Да ты что!.. Я пиво не особенно люблю.

— Да это я шучу. Хотя пиво тут у нас очень даже неплохое. Я тебя как-нибудь подраврашу... Знаешь, давай пока на машине никуда не поедем, погуляем по нашим окрестностям. Покажу тебе мои места, или, как там говорится у Чехова, «наши палестины». А то уже третий день ты у меня, а я тебе еще ничего не показала.

— Для меня и двор твой — целый мир. Да и сама видишь, со мной не разбегаешься.

Диана закрыла дом и, еще раз внимательно оглядев небо, покатила перед собой по дороге коляску. Небо расчистилось от туч и с трудом верилось, что только что была гроза. Слева от них, за зелеными изгородями, тянулись коттеджи, а справа ветви густого леса нависали над дорогой, ветер раскачивал их, окатывая подсохший тротуар градом крупных капель. Яна блаженно откинулась на спинку коляски, лучи солнца пронизывали листву и слепили ее глаза.

— Знаешь, Диана, это место, где ты живешь, очень на тебя повлияло. Здесь все так ясно, прозрачно, спокойно... И точно также ты пишешь — ясно, прозрачно. Ты впитала в себя атмосферу этого места и сама стала точно такой же, как твое любимое Асари.

— Через пару лет у Женьки кончается контракт, вот вы и возвращайтесь сюда. Скажешь, фантазии?

— Хотелось бы. И дядя его мечтал когда-то об этом. Хотел, чтобы «Евгеша», это он так его называл, переехал к нему.

— Янка, все так и будет. Однажды мы будем жить здесь все вместе.

Диана подкатила коляску к перекрестку дорог. Машин не было. Черный кот с белым пятном на груди и кончике хвоста, медленно переходил дорогу.

— Это Персик, соседский кот, — заметила Диана. — Все время ко мне во двор спать приходит. Колбасой его кормлю, а он, гад, и не смотрит в мою сторону.

— Ну вот, первое мое знакомство, — усмехнулась Яна.

— О, я тут тебя со многими познакомлю. Есть тут еще собачонка, гуляет, где хочет. Рыжий, лохматый, куршавый, мелкий, но... гроза всех окрестных собак.

— В смысле.

— В смысле, что потомство у него тут во всех дворах есть. Его тут все так и зовут — Мачо.

— У вас тут весело.

— Пришла мне тут как-то в голову идея рассказа, а лучше — повести. И название придумалось хорошее — «В поисках Мачо». А!..

— Отличное название. А что за идея?

— Это история о маленьком мальчике, который живет в небольшом мирке своего двора, но однажды у него пропадает маленькая собачка по кличке — Мачо. Не возвращается домой день, два... И вот, он садится на свой маленький велосипед и отправляется на поиски своего пса по всем нашим Асарским дорожкам. Тут-то и начинается его открытие огромного мира.

— Мне кажется, что это может быть интересно.

— Хорошо было бы написать не просто детский рассказ, а что-то более глубокое. У Аркадия Гайдара есть рассказ «Голубая чашка». Что-то подобное хотелось бы написать — простое, но с глубиной, тайной и своим очарованием.

— Да, напиши обязательно, — задумчиво кивнула Яна. — Я в твоём мальчике, ну, что Мачо ищет, себя узнала. Мой мир тоже был очень ограниченным. Сейчас, конечно, есть выход в Интернет, но... Человек свободен, если в его жизни есть элемент непредсказуемости, выбора, риска. Самое гнетущее в моей жизни было даже не одиночество, не боль, физическая или иная, а то, что вся моя жизнь была расписана, каждый день, час, миг. В интернате я жила по расписанию. Отчаяние брало, когда думала, что такой будет вся моя жизнь.

Диана вздохнула и положила руку на плечо Яны. Над ними в голубом небе пронеслись с писком ласточки. Солнце палило все жарче, из кустов за забором доносился сухой стрекот цикад. Два белых самолетных следа оставили в небе перекрестье в виде буквы X, и его медленно стал относить к югу ветер с моря. Уже чувствовалась и близость моря, из-за сосен слышался глухой шум волн. Ветер стал чуть прохладнее.

— Эта улочка, что идет вдоль моря, называется Кару iela — Дюнная улица. Можем по ней прогуляться. Сейчас покажу тебе очень красивые домики. Это так называемый юрмальский стиль. Вон на дюне, видишь?

— Очень красивый! Как игрушечка.

— Да. Смотри, все окошки из маленьких цветных стеклышек, башенки с флюге-рами, ставни, маленькие балкончики с цветами... На этих дюнах домики прямо таки парят в небе.

— Какое счастье, наверное, жить в таком домике, — улыбнулась Яна, — но тут же ловлю себя на мысли, что мне не подняться по длинной лестнице к входу. Разве что, если бы умела летать... Дианка, ты не думай, я не хандрю. Просто говорю то, что есть.

— А я все думаю о размеренной жизни по графику, что у тебя была.

— Было и много хорошего. Например, когда меня отвозили в специальный институт в Москве. Там и лечат и изучают всякие сложные случаи. Мне там очень нравилось. Чувствовала себя, как в санатории. Носилась с девчонками по территории на своей коляске. Целые гонки у нас были. И тетеньки такие забавные в палате были.

— А сколько вас было в палате?

— Человек восемь. Все взрослые. Я одна там была маленькая, все ко мне очень хорошо относились. Была там одна бабушка с поразительно красивыми глазами. Она однажды рассказала мне свою историю...

Дорога, делая плавный изгиб, пошла в гору. Мимо них неторопливо проехала черная машина и скрылась за поворотом. Дюны с правой стороны стали еще выше. Окна домов на дюнах отсвечивали солнечный свет и казались золотыми.

— И что за история? — спросила Диана.

— Во время войны она с подругой работала на заводе, и подруга ее стала переписываться с военным. Она писала ему на фронт, он отвечал, и уже у них какое-то теплое чувство стало возникать. Но дело было в том, что военный никогда не видел подругу эту, с которой переписывался. Однажды, в одном из писем, он попросил, чтобы прислала свое фото. Она взяла и учудила, послала не свою фотографию, а снимок своей подруги, той, с красивыми глазами. Переписка продолжалась еще несколько месяцев, и вдруг тот военный взял и приехал к ним. Война тогда уже закончилась. И что ты думаешь произошло?

— Могу представить...

— Да, он приехал и увез с собой ту, с красивыми глазами. Они поженились и прожили вместе до старости.

— Да-а-а-а, — протянула Дианка. — Это лишний раз подтверждает, что слова словами, письма письмами, а внешность для мужчин решает все. Знаешь, есть восточная история. Один правитель решил за долголетнюю верную службу наградить своего советника. В качестве подарка он предложил тому на выбор трех жен из своего гарема. Вывели первую женщину. Советник спрашивает у нее:

— Сколько будет дважды два?

— Пять, — отвечает женщина. — Какая щедрая жена! — поразился советник.

Вывели вторую женщину.

— Сколько будет дважды два? — спрашивает и у нее советник.

— Три, — отвечает та.

— Какая бережливая жена! — заметил советник.

Вывели третью.

— Сколько будет дважды два? — спрашивает он у нее.

— Четыре,— ответила женщина.

— Ах, какая умная жена! — воскликнул советник.

— И теперь вопрос: на какой из трех женщин женился советник? — хитро прищурилась Дианка.

— Ах, так это еще и загадка... И на какой же?

— На самой красивой! — торжествуя заметила Диана.— Вот суть мужчины! Восточные притчи, я тебе скажу, очень мудрые.

— Не знаю, Диана. Как-нибудь расскажу тебе другую историю, которая вполне опровергнет твоё мнение о мужчинах. В жизни всякое случается. Я тебе много чего порасскажу. Всяких историй наслушалась, пока в больницах лежала. Ты потом используешь, как материал. Такие шедевры создашь!

— Да я, в общем-то, шучу. А что касается шедевров, то мне до них далеко. Ты вот все хвалишь меня — это приятно, Янка, и то, что книга моя вышла, я очень рада. Но я уверена, что придет пора, когда я скажу, что мне неловко за мою первую книгу! Если по-честному, неужели ты не видишь в ней недостатки?

— Вижу.

— Вот! О них и надо говорить.

— Нет, Диана. Для того, чтобы говорить о твоих недостатках, тебе, как ты сама заметила, надо еще подрасти.

— Это как?

— Я тебе сейчас объясню. О недостатках в прозе Лев Толстой мог бы сказать Чехову. Чехов мог бы сказать... ну, хоть Куприну, и так далее. Улавливаешь? А если автор только начинает, если он, как тот птенец и, пусть смешно, неумело, но полетел, понимаешь, оторвался от земли... У него получилось! Такому автору надо говорить о том, что у него хорошо. Ему предстоит большой путь, и направление пути будет определяться не промахами, а особенностями его достоинств. Мне так смешно, когда начинающему автору указывают на недостатки. Смешно, потому что у него на сто недостатков два достоинства. Вот о них, этих проблесках удачи, и надо говорить. На них надо обращать внимание.

— Ага, я поняла... Мол, чувак, молодец! В твоей книге целый абзац получился! Работай. Глядишь, в следующей книге целую стоящую страницу напишешь.

— Вроде того.

— Янка, ты гений! Я с этой точки зрения никогда не думала. Но я так рада, что целый абзац из моей книги тебе понравился. Дай я тебя поцелую.

И Диана, рассмеявшись, наклонилась над Яной и поцеловала ее в щеку.

— Ты не устала? — спросила Яна, удерживая руку Дианы на своей груди,— дорога тут крутая. Может, стоит домой повернуть?

— Еще погуляем. Ты расслабься и отдыхай.

— Хорошо! — глубоко вздохнула Яна.

Яна разглядывала светлые коттеджи на фоне синего неба и вдруг, увидев высокие сосны, склонившиеся впереди над дорогой, ей показалось, что они вот-вот рухнут на них сверху. Диана, угадала ее мысли.

— Мощные сосны, правда?

— Не могу избавиться от чувства, что они вот-вот нам на голову свалятся. Давай проедем поскорее.

— Эти сосны мне знакомы. Когда мне было лет шесть, или того меньше, мы шли тут с папой. Он показал мне их и сказал: видишь, как наклонились, того и гляди упадут. И что мы видим? Они стоят до сих пор. Думаю, что когда-нибудь поведу по этой

дороге своего ребенка, и мы обязательно с ним обсудим вопрос, как долго еще сосны простоят.

— Они нас, пожалуй, переживут. Да, у вас тут прямо страна чудес! Еще мне нравятся флаги на флагштоках у некоторых домов. А что вон там за флаг?

— Кажется, шведский. Тут ведь и иностранцев много живет... Знаешь, я вот подумала... А почему нельзя быть патриотом самого себя? Да-да, не смейся. В честь себя поднимать флаг, играть свой собственный гимн, отдавать себе честь, любить себя, защищать, гордиться собой. Мне кажется, что это интересная идея.

— Представляю, как увеличилось бы сразу количество самолюбивых людей.

— Мы, со стариной Фрейдом, с вами, коллега, не согласны. Эти люди самолюбивы и самоуверенны, потому что у них глубокие комплексы неполноценности и очень занижена личностная самооценка. Они глупы больше, чем самолюбивы. Мудрый человек — тихий человек. А глупцы звенят, как те пустые кимвалы, о которых говорится в Библии.

— Но они полагают, что хорошо живут.

— Это они так полагают. А знаешь, как Лао Цзы сказал? Хорошо живет тот, кто хорошо спрятался.

— Может быть,— тихо ответила Яна.

Диана видела сверху ее волосы и чуть округлившуюся щеку. Яна слегка улыбается. Возможно, только уголком губ. Дорога перед ними расширилась, разделяя дорогу надвое. Виднеется островок высоких сосен с такими толстыми стволами, что Яна (не догадываясь, что не только она, но и многие другие люди, проходившие здесь) невольно думает — такой ствол руками не обхватишь. В разломах потрескавшейся коры на солнце янтарно светятся потеки смолы. Аромат ее чувствовался в воздухе. Когда они оказались под одной из ветвей, капля смолы упала на голое плечо Яны.

— Сосна тебя поцеловала! — воскликнула Диана.

С пронзительными криками над ними пролетели в сторону моря две чайки. И тут же ворчливые раскаты грома прокатились вдали. Тяжелая сизая туча показалась из-за леса, медные стволы, по-змеиному изогнутые ветви и тяжелые шапки вершин золотисто горят на фоне надвигающегося мрака.

— А если дождь? — спрашивает Яна, ощущая щекой руку Дианы, которая все еще покоится на ее плече.— Здесь и спрятаться негде.

— Сейчас все так, как я когда-то мечтала,— говорит Диана.— Может, мне это снится? Или я незаметно для себя перешла в другое измерение, где сбываются все наши мечты?

— А у тебя есть «Алиса в стране чудес»?

— Конечно.

— Вот, это то, что мне хотелось бы перечитать этим летом.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ФРАНЦУЗСКИЙ СИНДРОМ, ИЛИ НОВЫЕ ЛУДДИТЫ*

*У них дураки вона каки, а у нас дураки
все таки.*

Славны бубны за горами!

Русские народные присказки

◆ По жаркому в этом году августовскому утру профессор Игорь Васильевич Скородумов** проснулся в шесть часов. Никого в доме не тревожа, прошел на кухню — заварить чаек и выкурить с ним вприкуску, но уже на балконе, первую за день, самую вкусную сигарету. Как потомок едких на слово и вредных по отношению ко всяким властям калужских мужиков-землепашцев, Игорь Васильевич особый приятный вкус табачного дымка нонконформистски соотносил с уже который год длящейся в стране штурмовщиной очередной антитабачной, а заодно и антиалкогольной, кампании.

Поставив чайник на огонь, по многодесятилетней привычке включил кухонный динамик-громкоговоритель, еще заставший времена Второго Ильича, причем еще только с двумя геройскими звездами на пиджаке. Увы, как в последние годы часто случалось с городской радиотрансляцией, радиоточка молчала, изредка испуская злобное шипение. Игорь Васильевич полупшепотом витиевато выматерился: за что,

* Новелла из нового романа, над которым автор сейчас работает.

** Наш постоянный персонаж; см. романы-новеллино: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с.; Алексей Яшин. Задуманные беседы об умозамещении.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru — раздел «Библиотека главного редактора»).

мол, по квитанции полсотни в месяц платим, если местные власти совсем забросили свое проводное радиовещание!

Пришлось, все с теми же полушепотными малоцензурными словечками, включать маленький, тож советской еще фабрикации, телевизор, столь же издавно пылившийся на холодильнике. Не любил он с утра мельканий телеэкрана, а в нынешнюю частнособственническую эпоху и вовсе охладел к изобретению русского американца Зворыкина... Но все же утренние новости-страсти, а главное, прогноз погоды с тщетным ожиданием спадения жары и духоты в атмосфере, хотя бы из «ящика» дополняли у Игоря Васильевича первые на дню стакан чая и сигарету.

Старенький телевизор «дачного формата» принимал на последнем издыхании только одну, зато самую государственно-главную программу, по которой профессор в утренних новостях, понятно дело, не глядя на экран, рассеяно прослушал сначала о победах российских спортсменов на каких-то местечковых соревнованиях в Шотландии, затем обсуждаемый уже неделю всем миром инцидент в небе Эстонии, бывшей ЭССР, а при царях — Эстляндской губернией, когда патрулировавший там от натовцев лихой испанский «королевский сокол» пальнул, не глядя куда, ракетой, которую теперь все суверенное население ищет по лесам и чухонским болотам...

Игорь Васильевич, что называется «на автомате», привыкший к чередованию обычной тематики теленовостей и радио — оных же, приутоился с сарказмом выслушать панегирик-воспоминание о прошедшем с запланированным успехом футбольном всемирном мероприятии, а вослед за ним заявлением двух-трех восьмидесятилетних старушек-актрис, что-де ни на какую пенсию они и не собираются... Но вместо этого диктор, умеренно, но и сочувственно в то же время, посуловев голосом, объявил, что американский конгресс, явно льстя своему президенту, объявил России настоящую торговую войну. Как законопослушный гражданин бывшей 1/6 части земной суши и внешнеполитический патриот, профессор слегка огорчился пакостью америкосов, но и в контексте услышанного обрадовался: наконец-то наши радиотеледиректоры перестанут молиться на Америку, а главное — больше не станут засорять наш великий и могучий жаргоном из американского диалекта английского языка... Рано он обрадовался! Скомкав малоприятное известие, ведущий перешел к событиям внутри страны, важнейшим из которых на сей день было прошедшее накануне в Южно-Сахалинске всероссийское соревнование молодежи «ручных» рабочих профессий по своему мастерству: пекарей-надомников, столяров, квартирных ремонтников, плиточников и парикмахеров. И хотя в состязании участвовали только наши соотечественники, Игорь Васильевич неосознанно, с профессорской дотошностью отметил: только дважды диктор поименовал соревнования по-русски, зато восемь раз с восторгом неопита употребил их название по-американски: *ворлдс скиллс*, — так на слух воспринял разгневавшийся Игорь Васильевич, патриот чистоты русского языка. ... Англо-американского он не знал, ибо в школе и в трех вузах, в которых учился в советское время, сдавал экзамены «на пять» по немецкому языку.

Как бы ни разгневан был наш профессор, но доставшийся от калужских предков сарказм и здесь присутствовал: эта неумная страсть эсмэишников к иностранным словам тотчас напомнила и классическую «смесь французского с нижегородским», и того кучера из романа классика же позапрошлого века, что любил в минуты отдыха читать, причем смысла текста он не воспринимал — ему просто нравилось узнавать и произносить буквы...

♦ Фигурально плюнув на прогноз погоды, и так все понятно: еще висящее над горизонтом солнце уже жаркими своими лучами щипало щеки и выгоняло крупинки пота на лбу, — Игорь Васильевич потянулся рукой выключить рассадник американского жаргона, а тут и диктор перешел к новости, касающейся успехов компьютери-

зации и интернетизации отечественной *цифровой* экономики. Последними, услышанными Игорем Васильевичем из выключаемого телевизора словами были: «... Ни один уважающий себя человек, от школьника и домохозяйки до профессора и крупного *бизнесментера*, не мыслит сейчас начать новый день без *лайков* от друзей и коллег!» Кстати, за растворенным окном в это же время разномастно *залаяли* выводимые хозяевами на утреннюю прогулку-оправку собаки из окрестных домов: в основном, мелкая и злющая квартирная четвероногая сволота. Игорь Васильевич собак не терпел, а уважал котов, особенно своего личного, что с донесшимся лаем своих классовых врагов проснулся и задумчиво вошел на кухню, заластился к хозяину: корми, мол, а то за ночь проголодался, ловя во сне виртуальных мышей!

Но тому в эту минуту не до кота было в яростном порыве: *elan* по-французски. И что это повторяющееся французское засело поутру в многомудрой профессорской голове? «Все же надо исполнить окончательно решенное вчера», завертелось в голове Игоря Васильевича. Но как бы не ответственен был момент, все же по воспитанному порядку и дисциплине он сначала заварил чай и, по-прежнему игнорируя усиленные намеки кота на задержку утренней пайки усиленного питания, вышел с кухни, прикрыл дверь в спальню, чтобы последующими действиями не будить супругу (женатый сын давно жил отдельно), подошел к своему рабочему «уголку» в гостиной комнате, с гневом вырвал кабели и шнуры из гнезд старомодного громоздкого компьютера, этой весной на дармовщину доставшегося ему при списании на факультете устаревшей оргтехники, обхватил по-грузчески рассадник дебилизма, со сложным маневром вынес его на балкон через круглосуточно распахнутую в летнюю жару оконную дверь и прислонил к металлической ограде. Не выпуская из рук полторапудовой тяжести изделие китайского ширпотреба, профессор нагнулся над балконной оградой, проверяя уже вчера определенное: не засажен ли цветами тот пятачок палисадника, на который должен по Ньютону закону всемирного тяготения приземлиться сброшенный с балкона четвертого этажа разочаровавший владельца предмет. Не то что Игорь Васильевич уважал растительный мир, но на участке палисадника в «зоне ответственности» их подъезда за цветами и кустарником на общественных началах ухаживала его супруга. То ли из любви к прекрасному, а может гены предков-цветоводов теребили...

Убедившись, что прямо под балконом в тени разросшейся сирени только мелкая сорная травка растет, Игорь Васильевич перевел взгляд влево, где Селим, ихнего дома узбекский дворник-гастарбайтер, умеренно шурша метлой, начинал свой трудовень.

— Селим, подойди, пожалуйста, поближе!

— Да, хозяин, слушаю,— доложил сын Ферганской долины, подойдя к подъезду с профессорской квартирой.

— Я вот сейчас эту хреновину сброшу, чтобы не волочить ее с четвертого этажа по лестницам, а ты, будь добр, оттащи ее останки на помойку. За труды полторы сотни с меня, пообедаешь сегодня с люля-кебабом в своей халяльной* харчевне! Благо сегодня у вас курбан-байрам. Поздравляю!

— Спасибо. Бросай, хозяин. Что, совсем негодный?

— Совсем, Селим, негоднее не бывает.

Еще раз нагнувшись над оградой, убедился, что по раннему времени ничья досужая голова не торчит из нижележащих балконов вовне, с силой оттолкнул железяку, дав ей метровый запас от линии этих балконов. Упав на землю палисадника, компьютер негромко чвакнул. После вчерашнего вечернего дождя земля замечательно самортизировала. Даже кинескоп не разлетелся на осколки. Игорь Васильевич мыслен-

* Халяльная пища, то есть разрешенная правоверному кораном; это как у евреев кошерная еда (кошурат).

но перекрестился: и соседей не потревожил, и от дебилизатора избавился. А тут и трудяга Селим, отставив метлу, зашел в палисадник, легко поднял останки и удалился с ними на ближнюю помойку в соседнем дворе.

◆ Соседей-то не потревожил, но наблюдателя не избежал:

— С добрым тебя утром, Васильич! Никак на летние профессорские отпускные ноутбук приобрел и от старой рухляди избавился? Или по идейным соображениям, а? И не жалко?

Игорь Васильевич повернул голову вправо и немного наклонил ее: по диагонали направо-вниз на балконе третьего этажа, как и у него незастекленном, но уже в квартире соседнего подъезда, всего в нескольких метрах валяжно сидел за журнальным, инкрустированным по-палехски столиком за утренним кофейком его давнишний — со дня поселения в доме — знакомец, отставной врач-психиатр Евгений Семенович Дорошенко. Торопясь покончить с компьютером, Игорь Васильевич и забыл, что тот летом также спозаранку устраивается на своем балконе. Недавно пошабашив по уже позднепенсионному возрасту с регулярной службой в областном психдиспансере, Евгений Семенович сибаритствовал, впрочем, регулярно подрабатывая в непыльных местах, где от него требовалось только необременительное по времени присутствие и подписывание бумаг: в военкомате на смотрах призывников, всяких наробразовских комиссиях, на госэкзаменах в местном медицинском институте... даже в городской тюрьме приходилось подписывать и пить коньячок с тамошним начальством. Слыл Дорошенко авторитетом-практиком по психическим делам и имел звание заслуженного врача. Сам бог велел ему прибавку к незавидной ныне пенсии иметь.

В раннеутреннем уличном безлюдье и охлажденном ночью воздухе могли соседи беседовать не повышая голоса, как за столиком в их любимой рюмочной «Наливайка!» Опять же аккуратист профессор Скородумов, тоже заслуженный, но только не врач, а деятель науки, ответил Евгению Семеновичу строго в порядке заданных тем вопросов:

— На зарплату провинциального профессора, Семеныч, только на упаковочную коробку от ноутбука можно сподвинуться. Соображения же, конечно, идейные — в отношении всякой интернетовской сволоты, словом — французский синдром у меня сработал. А насчет жалости, то, во-первых, я начисто лишен атавизма частнособственничества и жмотства; во-вторых, мне эта рухлядь даром от родного универа досталась. Опять же...

— Тпру, тпру, Васильич, какой-такой офранцузенный синдром у тебя проявился? Вроде как по своей профессии много всяких-яких синдромов знаю, а про такой не слышал. Потом, как я давно знаю, психика у тебя североморская, военно-морская, значит — железобетонная! Чего это угораздило в сторону дурки прикидываться?

— Это из другой оперы, милейший, не по твоей части. Покопайся-ка в недурственной своей памяти и вспомни середину шестидесятых годов, когда я еще в школе штаны за партой протирал, а ты уже медицинским студюдусом числился.

— Ну... да и что?

— А то, любезнейший Евгений Семенович, что ты в те годы всякими там политинформациями и комсомольскими собраниями манкировал в пользу пивных и податливых однокурсниц, потому в памяти и не отложились события во Франции: народ взбунтовался засильем голливудщины на экранах. Да настолько, что по утрам, навроде меня, в Париже выбрасывал из окон телевизоры! Вот это я и окрестил, но уже сейчас, в память, французским синдромом.

— А-а-а, ясно-понятно. А то, вишь, даже мыслишка нехорошая появилась. Ты уж извини заслуженного пенсионера по психической части. Припоминаю, припоминаю. И чем все дело в Париже и его окрестностях закончилось?

— Хорошо для французов завершилось. Де Голль тогда ими по-военному командовал. Отдал нужные распоряжения, а парламент проголосовал за квоту американских фильмов в прокате и на телевидении. Кстати, сразу после этого случился настоящий взлет французского кино. И мы его с восторгом смотрели все оставшееся советское время: Жан Марэ, Луи де Финес, Жан-Поль Бельмондо, Пьер Ришар и, конечно, Депардьё — ныне российский подданный с условной пропиской в мордовском Саранске... Заодно де Голль распорядился собрать по всей Франции бумажные доллары, набить ими под завязку самый большой военно-транспортный самолет, который отправил в Америку, в Форт-Нокс для обмена на золото. Правда, здесь вышла осечка: америкосы объявили, что ихние доллары печатает не само государство, а частная компания — Федеральная резервная система и... еще в Европе были бунтовщики-луддиты*, так что традиция там сложилась ломать все неудобное.

— Все понятно, Васильич, вспомнил. Извини — перебил, но ты благодушествуешь и развлекаешься импортными синдромами в заслуженный двухмесячный отпуск, а мне сейчас надо ехать на подработку, несмотря на летнее жаркое время. Надо подремавать пару-тройку часов на каком-то заседании департамента, или как там они сейчас именуются-зовутся, по образованию. Что-то в части психического здоровья нынешних школьников-недолайкиных. Вот заодно и про твой синдром, конечно, не упоминая фамилии, к случаю расскажу. С тобой же подробно на эту тему как-нибудь поговорим за бутылочкой коньяка в нашей «Наливайке». Итак, мой дорогой сосед, удаляюсь. Адьё, как говорят твои французы! Кстати, самый жадный в Европе народ... Да, Васильич, ты жесткий диск вытащил? А то эти хакеры найдут на помойке... адреса там всякие.

— Пусть наслаждаются, там одни кафедральные склоки — от прежних хозяев.

◆ Профессор Скородумов считался в Тулуповском университете личностью уникальной, а оттого и сугубо подозрительной: имел все мыслимые научные награды, степени и звания — кроме одного: начальствующего. А в основном им еще в завершении предыдущего столетия научном журнале «Феномены разума. XXI век», который каким-то чудом умудрялся издавать вопреки глубочайшей ненависти столетних «академистов», развивал свою концепцию о грядущем, но весьма скором, превращении человечества в стадо роботов — приложений к глобальным телекоммуникационным сетям, пробой которых сейчас является интернет. Стадо же это, или *человеиник* по определению нашего выдающегося ученого и писателя-смутьяна Зиновьева, все более и более подпадает под управление тайным мировым правительством, которое творит в мире разнузданную глобализацию... Ни много, ни мало. И кто же такому мракобесу от бывшей святой матери-науки доверит даже ничтожнейшую должностишку в университете?

«Нет пророка в отечестве своем», — добродушно усмехался Игорь Васильевич на подкалывания малодоброжелательных коллег-профессоров и даже хамоватых ныне молодых доцентов: дескать, что же вы, так сказать уважаемый, известны почти во всем научном мире, а в нашем провинциальном *универе* даже завалящей кафедрой не заведуете? «Говорите проще, вот уж истинно уважаемый, — похохатывал Скородумов, — что за дурачка блаженного от научных упражнений меня полагают! Но ведь и Христос терпел и нам велел». И далее Игорь Васильевич, торопя отделиться от неинтересного ему собеседника, рекомендовал тому всегда держать про запас охапку просушенных березовых поленьев. «За-ачем?» — от такого поворота разговора даже

* Под таким названием в историю вошли первые супротивники научно-технического прогресса — от имени легендарного рабочего Н. Лудды, который первым расколошматил вдребезги (и здоров же был мужик!) свой станок, отнимавший заработок у многих кустарей-ремесленников. Движение луддитов получило форму протеста в Англии 2-й половины XVIII — начале XIX веков.

заикался визави. «А затем, дорогой мой профессиональный *препод*, что когда Великий Глобализатор, ныне пока что тайный, разрешит средневековые аутодафе для научных, политических и иных диссидентов, меня в первое же воскресенье потащат на костер, как некогда Джордано Бруно, хотя бы он и был сквернословом и пьяницей, монахом-расстригой, то вы, милейший, одним из первых поспешите на местную Гревскую площадь* со своей вязаночкой дров в сухоньких профессорских ручонках — подбрасывать в костерок, чтобы пожарче пылал... как та самая вошедшая в мировую историю старушонка — святая простота; *sante naive* по ученой латыни, которую вы и слыхом не слыхивали!»

Ошарашенный грубостью и нетолерантностью Скородумова профессор или доцент злобно ощеривался, отворачивался и молча удалялся от обидчика. Из осторожности *препода-профи* на ответное словесное оскорбление он не решался: вроде как ни причем рядом с беседующими всегда оказывалась факультетская доносчица-вестовщица старшая лаборантка Людочка... Мало ли какое слово в ответе вырвется?

Впрочем, Игорь Васильевич ни на кого и никогда обиды не таил. А отшельмованный им профессор или доцент, как истинные классики университетской жизни, по штатному расписанию права на обиды не имели, потому тотчас все забывали и при следующей встрече со Скородумовым садистски, вернее садомазохистски, вновь проигрывали тот же диалог. Скушна жизнь у преподавов, хоть чем-то развлечься!

♦ «Лучше огонь здешний чем огонь вечный», — отвечал потомок старообрядцев профессор Скородумов присказкой знаменитого протопопа Аввакума, сожженного Никоновыми злыднями в Пустозерском остроге, и на ехидные вопросы коллег из числа преподавов-профи: «А что это вы, мг-м, уважаемый Игорь Васильевич, имея в числе прочих и ученое звание профессора по кафедре вычислительной техники, являясь, как вы в научной периодике уже давно утверждаете, создателем концепции компьютера шестого поколения — с прямыми объемными электромагнитными связями, в то же самое время не пользуетесь сугубо принципиально интернетом? Да еще и подчеркиваете: мол, к *вашим компьютерам* ближе чем на три метра не подхожу! А еще такой весь из себя знаток этих передовых информационных технологий?»

Аввакумовой присказкой Игорь Васильевич отвечал вот тем самым — от скуки и монотонности преподавательской жизни — дежурным садомазо-приставалам, которые тут же переключались и требовали разъяснения словам мятежного протопопа. «Сами извольте догадаться», — резонировал Скородумов. А если очень уж неинтересный ему собеседник наседавал, то, если они находились в ситуации *tête-a-tête*, то посылал куда подальше беззлобным матерком, а если был не в духе, то еще одну половицу вроде в шутку добавлял: «Хочешь сберечь зубы — не три губы»...

Другое дело, если собеседник, обычно лишь с шапочным знакомством и с другого факультета, вроде как всерьез интересовался такой неприятно заслуженного профессора к интернету и компьютерам, полным властителям и покорителям современного человечества. Попривыкнув остерегаться шуткарей и доносчиков, чем всегда славились отечественные вузы, рассадники знаний и межличностной подлости, Игорь Васильевич для проверки намерений такого шапочного знакомца проводил столь популярный в современной высшей школе тест, то есть рассказывал три четко и осознанно-прощупывающе подобранных анекдота. Первый — про руководителей партии и правительства; второй же являлся проверкой на умственные способности в части владения логикой, а завершающий тест — самый полный ботаник по жизни поймет! — прямо намекал, что трудодень близится к прощальному учебному звонку,

* В Средневековье на парижской Гревской площади по воскресеньям при большом стечении любопытствующего народа сжигали ведьм, колдунов и прочих представителей неодобряемых церковью профессий...

в квартале же их университетского городка расположилась гостеприимная рюмочная «Наливай-ка!» с приемлемыми акцизными ценами и на закуску ностальгическими с советских времен сосисками, запеченными в тесте... да-да, не дерьмоватыми нынешними «хот-догами», а именно почти что из мяса выделанными сосисками «любительские» с мелким жирком, как в шубе испеченными в тесте: с пылу, с жару, с румяной пшеничной корочкой.

При этом наш профессор испытующе смотрел безотрывно в лицо собеседнику, мысленно фиксируя все проявляющиеся на нем эмоции. «Может мы по пути домой зайдем куда-нибудь, неспешно побеседуем?» — робковато говорил *правильный* собеседник, на что Скородумов с живостью подхватывал: «Сам бог велел отдохнуть от этого дурдома: значит в кружало, в кабак сиречь, в «Наливайку»!»

...Проведя в общедоступном по ценам даже для нищенствующей провинциальной профессуры заведении часок-полтора, уже нешапочно сдружившиеся сеятели разумного и вечного дружески расставались: Игорю Васильевичу — прямо до дома пяток минут бодро отшагать, а новообращенному в ряды недоброжелателей компьютерно-интернетовской заразы — направо до проспекта и несколько остановок на троллейбусе.

◆ Вечером того же дня, но уже заметно повернутому к полуночному часу, новообращенный, вздремнувший после сытного (хозяйка у него из деревенских родом, харч готовить искусница!) ужина, заодно хмель от выпитой на двоих бутылки хорошей очистки водки выветрился и перешел в этакий восторженный стимулятор четкости и остроты работы ума и памяти, привел в четкий педагогический ранжир услышанное от знаменитого в университете профессора. Получалось же следующее.

На обычные упреки, что-де Скородумов не уважает интернет и всяческую «компьютеризацию», хотя сам несколько лет преподавал на факультете вычислительной техники, Игорь Васильевич резонно парировал:

— Так было это в девяностые — самое начало двухтысячных годов, когда по советской еще инерции студентов того факультета учили *конструировать* эту самую вычислительную технику. И я читал лекции по системотехнике, схемотехнике, разработке периферийных устройств. Теперь же все эти специальности упразднены, коль скоро в стране давно уже ничего на эту тему не разрабатывают, тем более — не делают. Учат же на факультете теперь исключительно *пользованию* компьютерами и их сетями, 100%-но разработанными в американской «силиконовой долине», а в «железе» поставляемых всему миру Китаем — нынешней цифровой мастерской мира... Правильно, с изрядной долей практического цинизма сказал как-то в открытую один из наших предшествующих министров образования... и-и вроде бы и науки, что-де советского человека воспитывали и обучали как исследователя и творца-созидателя, сейчас же наша задача — подготовить квалифицированного потребителя. Нд-а-а, словом, имя тебе — потребитель! Это уже я говорю, не честно открытый министр...

Далее по ранжиру умеренно протрезвевший давешний собеседник профессора Скородумова откладывал в своей памяти основные тезисы услышанного в частной беседе за столиком «Наливайки».

Получалось, что интернетовщина и массовая компьютеризация есть главные звенья оцифровывания мышления нынешнего человека. Этим самым «вместо слова — цифра», как круглосуточно кричит теле- и радиореклама, человек роботизируется и превращается в мельчайший исполнительный винтик в механизме Великого Глобализатора. Прежняя самодостаточность разумения в нынешнем мироустройстве уже не высшим качеством оценки полагается, но подозрительным недостатком. Словом, все на сто восемьдесят градусов, то есть с ног на голову, повернуто.

...Чувствуя, что от профессорских пророчеств он начинает терять веру в челове-

чество, его общественное предназначение, новообращенный собеседник Скородумова начинает впадать в легкую панику, но выручает супруга. Она переделала все поздневечерние дела на кухне, досмотрела очередные любимые сериалы, непременно с «хэппиэндом»: нищая провинциалка, явившаяся в столицу всего с парой платьишек китайской фабрикации, устроившись горничной в дом молодого богатея с годовым доходом в шестизначную *цифру* долл^аров, разводит наивного с его прежней лахудрой, женит на себе и закрепляет счастливый брак рождением сразу двойни наследников... Главная же интрига сериала — наследников она нагуляла от своего деревенского дружка, которого выписала в Москву и устроила личным водилой на «мерседес»... нет, конечно, на «майбах» доверчивого супруга.

Возбужденная сериалом супруга, но не наивного долларового миллионера, а нашего новообращенного Скородумовым доцента, еще в остатках второй бабьей молодости, настойчиво потребовала вечерней ласки от протрезвевшего мужа. Что тот и исполнил, после чего упал в глубокий сон, спасительный от крамольных наставлений знаменитого университетского профессора.

Кстати говоря, прощаясь с доцентом на выходе из «Наливайки», Игорь Васильевич порекомендовал тому как-нибудь зайти к нему на службу: презентует свежий номер «Феноменов разума» и пару своих книг об оцифровывании человечества. «Для закрепления темы нашей с тобой сегодняшней беседы», — пояснил он, дружески хлопав младшего по ученым степеням и званиям по плечу.

Понятно, что наутро, полностью освеженный глубоким и покойным сном и повторной лаской разохотившейся от сериалов супруги, наш доцент выбрасывает всю эту Скородумовскую дурь из головы; пусть себе оцифровываются, а кто и борется с этим делом... я человек маленький, а вот вышибут из универа за мысли, идущие супротив указаний партии и правительства о полном переходе «от слов к цифре», — что делать? Препод, тем более профессиональный, очень уязвим, только лекции по конспектам и учебникам глаголить может, другому ничему не обучен...

Конечно, к Игорю Васильевичу он так и не зашел, а при случайных встречах в студгородке сдержанно здоровается, инстинктивно воровато оглядываясь: не узреет ли кто из университетского начальства его ручканья со скандально известным профессором? Да и не до того теперь стало доценту Воробьянчикову: одуревшая от смазливых сериалов супруга его в последнем приступе второй молодости, а главное, наслушавшись уверений телеведущих всех каналов, что «уже нынешнее поколение будет жить в процветающем капитализме с человеческим лицом», внезапно забеременела с твердым намерением расширить состав семьи. Это в сорок-то два года и при дочери-первокурснице!

Воробьянчиков даже намеревался запить (в летний отпуск, конечно), но супруга, почувствовав недоброе, надежно запрятала его зарплатную карточку, а самого суверена зарядила на лето в подгородную деревню — есть тещины блины и возделывать сад-огород. «Колечка, ведь *нам* этим годом много витаминных ягод и фруктов потребуется! И я, хи-хи, мой хороший, по выходным буду к вам с мамой приезжать. Изверг начальник весь офис без летнего отпуска оставил... контракт, контракт — все орет!»

«Мд-а-а, не в коня корм», — мысленно отмечал Скородумов, завидев на территории студгородка фигуру доцента Воробьянчикова, явно стремящегося разминуться с несостоявшимся наставником практической жизни.

◆ Игорь Васильевич вовсе не являлся таким замшелым ретроградом «от совка», что, говоря словами русского классика, черпает суждения «из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма»... при последних двух словах профессора Скородумова, отбивающего очередную нападку-приставалку коллеги невеликого ума, тот опасливо вжимал рано лысеющую головку в плечи и с испугом оглядывался по сто-

ронам: всего и вся боящемуся вузовскому препода слышится табуированный для него политический подтекст на современную жизнь... Напротив, Игорь Васильевич смотрел из нынешних серых будней далеко вперед — в еще более мрачное будущее окончательно глобализованного и роботизированного *человека*. Настолько далеко, что встречал понимание лишь у немногих в нынешнее время самодостаточно мыслящих людей, то есть мыслящих не «по телевизору», но вопреки ему.

Кстати, даже оглуляющее сейчас тестовое образование он умело переворачивал наизнанку. Так и в классификации по типу: умный/кретинизированный адепт глобализации. Здесь он использовал не три упомянутых выше анекдота, но подводил ненавязчиво тестируемого им, пока еще малознакомого, собеседника к следующим двум моментам. Так невзначай вроде бы замечал, что-де в этом году иностранный набор студентов наполовину из негров африканских состоит: Камерун, Танзания, Кения... Если собеседник просто с этим доводом соглашался, Скородумов одобрительно ставил ему мысленный «плюс». Но таковой встречался редко. Обычно же испытуемый, опять-таки испуганно повертев головой, упрекал профессора в нетолерантности: дескать, сейчас некомильфо произносить слово «негр». Огорчившийся («минус» уже обеспечен!) Игорь Васильевич пояснял, что это там у них в сверхлиберальных западных странах внедренная глобалистами *толерастия* не позволяет негра поименовать таковым, а использовать некий эвфемизм. В русском же языке такое название людей с темной кожей историческое и не относящееся к числу обидных. И коварно задавал тестовый вопрос: «А как, уважаемый, прикажите называть этих сынов джунглей и вольных саванн, что прямо из Африки прибыли в наш Тулуповский университет к знаниям приобщаться?» — «Как? Афроамериканцами», — следовал ответ, после чего профессор Скородумов молча прощался и уходил восвояси.

...Но если испытуемый алогичной чуши не молот, а соглашался с правотой Игоря Васильевича, либо вовсе восхищал того термином «афрорусский» — «А в Кишиневе будет афромолдавским», — добро подхватывал Скородумов, — то профессор подводил собеседника по второму тесту. Дескать, вот на нашем вычислительном факультете студюзусы уже курсовые пишут по этим... как их, нарочито придуривался Игорь Васильевич... словом, по принтерам, что и руку-ногу человеческую могут слепить из подсобного материала. Услышав же, что называется это «3D-принтером», Скородумов суровел лицом, что заставляло испытуемого, не чувствовавшего за собою никакой вины, слабо оправдываться: «Все так говорят, даже...» Здесь собеседник, все так же оглянувшись вправо-влево и понизив голос, называл фамилию очень ответственного руководителя, горячего сторонника цифровой техники...

Но поскольку собеседник прошел на «плюс» первое тестовое испытание, что заставляло инструктора надеяться, мол, не все уж так запущено, то Игорь Васильевич пояснял: «Три дэ» — это американизм от английского *three dimensional*, что имеет адекватный русский перевод: объемный, трехмерный, каковой русскому же человеку и следует использовать в грамотной, не засоренной излишней иностранщиной речи».

И еще добавлял, что уже несколько лет как еще более высокопоставленный руководитель подписал закон о чистоте и грамотности русского языка, а законы надо ведь исполнять?

♦ «Против лома нет приема», — ворчал наш профессор, иногда разнообразя свое неудовольствие схожими присказками навроде «навалился класс-гегемон» или перевернутой им «не пошагаешь один в ногу, когда все идут не в ногу», — это когда все же приходилось, скрепя зубами, обращаться к помощи дьявола-интернета. А куда денешься, если он является главным редактором научного журнала и ведет обширную переписку по всему свету с коллегами по изобретенной им научной дисциплине «Феноменология разума»? Он и рад бы писать свои письма на бумаге, непременно

«от руки» любимым своим «паркером», еще десять лет тому назад подаренным лучшим своим аспирантом, успешно защитившимся... но коллеги и авторы журнала не поймут. Они-то все давно уже уподобились тем славным библейским гадаринским полезным сельскохозяйственным животным, что вслед за взбесившимся вожакom стада бросились с обрыва в пропасть...

Да и «бумажная» почта беспрестанно взвинчивает цены, а работа ее доведена, как и все в современном зазеркальном мире, до полного идиотизма: все движение, точнее передвижение отправлений можно видеть на экране компьютера: вчера твоя бандероль миновала узловую железнодорожную станцию Громобоево в глухой сибирской тайге, сегодня почтово-пассажирский поезд мчит ее мимо деревеньки Захолустино... но толку? Мчит-то-мчит, но затем наглухо где-то оседает. В итоге от их Тулуповска до столицы, которые разделяет две сотни верст, обычное письмо может «идти» целый месяц, а то и вовсе исчезнуть.

Конечно, Скородумов свято соблюдал свое правило: ближе чем за три метра к компу не подходить. А всю переписку вел через ответственного секретаря своего журнала, не являющегося сотрудником университета, понятно, общественника как и он сам, но преданного делу науки. Поскольку общественник жил на другом конце города, вольно и просторно раскинувшегося на холмах Среднерусской возвышенности, то общались научные коллеги по телефону. Игорь Васильевич прослушивал зачитываемые секретарем с экрана монитора текущие письма и тут же диктовал ответы. Дешево и сердито. И вроде не нарушает своих клятвенных обязательств не прикасаться к «компам». Словом, как та птичка-величка, что спасается от опасности пряча голову под крыло...

Как человек воспитанный и добросердечный, профессор Скородумов чем дальше, тем больше испытывал стеснение, обременяя ответственного секретаря обязанностью являться приставкой к телефону и компьютеру. Поэтому когда по этой весне, в конце учебного года на дружественной кафедре старший лаборант проводил списание устаревшей оргтехники, благо заведующий кафедрой добился-таки выделения ему нескольких новых ноутбуков и причандалов к ним, то Игорь Васильевич, погрузив о порушенных своих принципах, за бутылек модного сейчас виски легко уговорил матерого лаборанта, военного отставника в малых чинах, провести списание громоздкого компьютера еще с электронной лучевой трубкой и выработавшего ресурс, но вполне исправного принтера в свою пользу. Взамен лаборант сдал в утилизацию по ведомости кучу ненужного хлама из своей каптерки, что за ним не числился. Он же за дополнительные поллитра «очищенной» на своей машине отвез технику б/у домой к Скородумову. ...Игорь Васильевич, понятно дело, вовсе не желал дать повод злоязычно возликовать («и тебя, брат Васильич, укатали круты горки!») своим коллегам из числа завистников и недругов, оставив эту компьютерную дрянь в рабочем кабинете.

...Вытребованный в ближайший выходной день общественный ответственный секретарь всю эту технику подключил как надо; двумя днями ранее, профессор, сгорая от стыда, вызвал интернетовского монтера, что провел кабель от распределителя на лестничной площадке в квартиру. За бутылочкой вполне приличного дагестанского коньяка и закуской, сгношенной супругой, Игорь Васильевич взял у секретаря урок пользования цацками: как открывать почту с адресом, уже давно зарегистрированным в университете на редакцию журнала, и набирать-отправлять письма, а также распечатывать нужное на принтере.

◆ Разохотившийся от коньяка секретарь порывался было скоренько научить шефа пользоваться и другими благами всемирной паутины, но Игорь Васильевич наотрез отказался. Как всегда, будучи потомком злоязычных калужских мужиков, отказ сформулировал в виде им же сочиненного язвительного анекдота:

— С меня вполне хватит и университетского дурдома, чтобы еще и в паутину дебильную влезать. Вот тебе, Борисыч, анекдотец по теме. Живет себе мужичок на хуторе сам-двое с бабой своей и дворовой собачкой Жучкой. Телевизор давно сломался, слушает только последние известия по старинному ламповому приемнику. Как-то ввечеру услышал по нему, что великий и могучий русский язык отныне еще могучее станет из-за полезного впитывания им обилия американских слов, относящихся ко всем сферам жизни: от компьютеризации широких масс населения и до домашней бытовухи: едова, безалкогольного киряния и так далее, включая диковинные виды супружеской половой жизни... А поскольку Егор слушал радионовости за ужином с совсем уж алкогольной самогоновкой-первачом, то за ночь все из памяти и выпало. Вышел утром на крыльцо: раннее солнышко, благодатная райская тишина — живи и радуйся не хочу! И Жучка в полном предвкушении утренней похлебки из натурального мяса от браконьерски подстреленного хозяином кабана мчится к крыльцу, радостно и преданно вертя хвостом. Но вот незадача? — Вместо обычного троекратного «гаф-гаф-гаф!» слышит Егор: «увау-увау-увау», а потом и вовсе вой: «уау-у-у...» И здесь вспомнил вчерашние вечерние новости и успокоился; дескать, теперь и собакам велено гавкать по-американски!

Выслушал мудроватый секретарь байку шефа, правильно поняв зашифрованный в ней смысл:

— Это понятно, Игорь Васильевич, что не хочешь ты становиться придатком роботизированным интернета с его «компьютерным» мышлением и американской сплошь терминологией. Но ведь и не становясь этим придатком, можно оперативно извлекать из сети нужную информацию...

— Баста, Борисыч! Чего это ты разблагодушествовался после почти неподдельного дагестанского? Сам ведь прекрасно знаешь: в интернете не информация, а затемняющий логику мышления и память информационный шум. Потом, как знаешь, я в трех советских вузах обучался, два из них окончил. Памятью не обижен, поэтому все что услышал-увидел с пятилетнего возраста — помню. А что из ранее незнаемого понадобится, так у меня дома и в рабочем кабинете на факультете полдесятка тысяч томов по всем отраслям знания. Самое существенное, что по развиваемой нами с тобой науке о феноменологии разума в интернете — только наши мысли и выкладки, чтобы другие читали. А насчет оперативности... торопливым кирпич на голову падает! Вот это-то скорость интернета и разучило нынешние поколения не то что мыслить, но даже знать таблицу умножения...

— Но все же информация...

— Да что ты, Борисыч, с легкого хмеля заладил: информация, информация... Мне на прошлой неделе понадобилась биографическая, очень короткая, справка о Сальваторе Дали — для статьи, что пишу к следующему номеру «Феноменов», — как об основоположнике сюрреализма, то есть трансформированного художественного отображения реальности и так далее — будешь вычитывать, познакомишься. Спихватился — а у меня по нему ничего нет. Пришлось, скорбя душой о нарушении принципов, попросить нашу кафедральную секретаршу-лаборантку, почтенную Наталью Тимофеевну, благо она с педобразованием и до пенсии учительницей литературы в школе трудилась, найти и выпечатать мне из какой-нибудь современной электронной энциклопедии статью-персоналию о Дали. Что она и сделала. Начал читать — и волосы дыбом! О художественной манере с десятков сухих строчек, а далее все о его взаимоотношениях со своей условной супругой Галá, то есть русской Еленой Дьяковой, прежней женой поэта Поля Элюара. Основной упор — на ее почти сумасшедствие и половое извращенчество: секс втроем с Дали и все тем же Элюаром. А сам Сальватор-сюрреалист суть тоже извращенец и половой трус... Каково? — Вот тебе и классика интернетовского информационного шума!

Мне сразу по сложной ассоциации память выдала, в смысле из подсознания в «оперативку», говоря нынешней компьютерной мовой, передала достопамятный фильм грузинского режиссера, где-то в начале второй половины восьмидесятых годов — самый разгар «алкогольной» горбачевщины! — вышедший на экран... это где о *гравицане*. Помнишь?

— А как же! Даже коллективные просмотры устраивали... особенно после посещения пивной.

— Вот-вот, лучше после пивной; такую кин-дза-дзу на радость народу, измаявшемуся стоять в трехчасовых очередях за «талонной» водкой, советский кинематограф выдал. Так это моя память ассоциативная тотчас два словесных шедевра из фильма выдала: «Нам на Землю надо — через полчаса гастрономы закрываются», — и полный шедевр: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, у него нет цели!» Кстати говоря, из всего обилия художественной антисоветчины наиболее восхитительны этот фильм и «Чевенгур» Андрея Платонова. Куда там до них примитивному злопыхателю Солженицыну! Ну, это я к слову.

— Ассоциация твоя, Игорь Васильевич, архипонятна. Ты у нас, дорогой, прямо-таки толстовец по делам и убеждениям!

— А что здесь такого зазорного? Я лично более всего в нашем великом земляке уважаю его призыв и личный пример самоусовершенствования, как единственно возможную мотивацию нравственного, морального сохранения человеческого человека, извиняюсь за тавтологию. Так и здесь: нас сейчас пока считанные единицы, осознающих всю пагубность всеобщей компьютеризации — интернетовщины, но придет время, когда человечество осознает, что история дает ему единственный шанс от расчеловечивания (это уже не тавтология, но антитеза, Борисыч!): отринуть себя от пагубной «паутины». Как это технически, так сказать, сделать при всеобщности вышесказанной? — Не знаю, но на то есть хитроумные японцы и китайцы, сумрачный германский гений, говоря словами нашего великого классика, и острый галльский ум...

— Думаешь, Васильич?.. Придет время, наши *недолайкины* лайкать с утра до ночи перестанут, да?

— Вот именно. Долайкаются ведь?! Кстати, разливай по последней, а я тебе еще один почти анекдот из жизненных наблюдений расскажу. С сексуальной окраской — как всех выпивших мужиков на половую сальность тянет... Природа! Куда от нее, матери нашей биологической, денешься?

(Выпили-закусили, а тут супруга вынесла с кухни запоздалое горячее — запеченную в духовке с антоновкой — год нынче выдался урожайным яблочным. Делать нечего, Игорь Васильевич достал из заначки еще бутылек дагестанского... И бежать в сетевой «Красное & Белое» не надо! Хотя там все напитки — дрянь...)

◆ — Слушай же, Борисыч. Я, как сам прекрасно знаешь, телевизор не смотрю, исключая редкие советские фильмы, что иногда по утрам показывают, когда дома только пенсионерки; молодые же поколения потом трудовым, обычно спекулятивным и воровским, в это время хилую деньгу на содержание семьи зашибают. Но вечером моя Антоновна, умаявшись от хлопот домашних, любит сериалы посмотреть... умеренно глупые и сентиментальные. Я обычно пишу или читаю, поэтому все воспринимаю как словесный фон. Поневоле и реклама порой в уши лезет, раздражает. Инстинктивно и на вновь появившуюся — на то она и профессия у рекламщиков! — реагируешь. Возникают ассоциации с реальной жизнью. Например, засел против воли в башке сюжет такого ролика: утро в квартире с еврообстановкой. На кружевной постели, почти что трехместной как у Галá-Дали-Элюара, например, протирает после сна глазки почти голая красотка в ночном наряде а ля проститюшен. И размышляет озвученно: сейчас кофе выпью и посмотрю *лайки от друзей*. Что такое «лайк», хотя

ты мне не раз пробовал объяснить, из отвращения к компьютерным американизмам я не знаю. Все ищу ассоциаций — и вот оно после этой рекламной штучки-дрючки тотчас и явилось! Ты, Борисыч, в качестве примера этого лайка обычно приводишь графический значок — стилизованное сердечко. Какой-то там смысл у него, дескать, есть. А какой? — Не запоминается, а тут ассоциация эта все и разъяснила.

В девяностые — начале двухтысячных годах приходилось в столицу наведываться на конференции и прочие веселые мероприятия, придуманные для общения старых друзей. Нередко выпадала оказия на служебной машине своего декана задарма прокатиться. До Москвы по раннеутренней незабитой дороге быстро водитель Жора домчит, а вот на въезде по Варшавке мука мученическая: и летнее солнце уже подпекает, а впереди утомительная километровая пробка, продвигающаяся со скоростью один метр в минуту — я сам засекал. Одно развлечение для «гостей столицы»: между замершими машинами из числа въезжающих снуют ловкие ребята в адидасовской униформе, матерчатые картузы с утиными козырьками на головах, что ловко достают из-за заплечных сумок глянецовые журнальчики с предложением услуг проституток и (бесплатно) мечут их вовнутрь машин — стекла боковые по причине жары и духоты опущены. А на страницах журнальчика пестрят обнаженные тела «в позах» жриц физиологической любви на разный возраст, цвет и спектр указываемых сексуслуг, включая предельно извращенные... Поскольку же журнал зарегистрирован Роскомпечатью, то по его законам сугубо срамные места платных красоток фотомонтажно прикрыты теми самыми стилизованными сердечками, о которых ты, Борисыч, мне толкуешь. Вот по такой ассоциации я и понял: что такое лайк! Ха-ха-ха! Не в бровь, но в глаз... То есть этим самым лайком нынешние пользователи интернета прикрывают, как в античном мире фиговыми листками, свои срамные места, то есть башку свою пустую, в которой здравых мыслей уже и не осталось вовсе. А недолайкин, что есть уже устоявшееся поименование нынешних молодых поколений, просто будет означать: не достигший половой зрелости! Ха-ха-ха!

— Хорошая аллегория, Васильич, ничего супротив и не возразишь. Ты, я смотрю, вторую дагестанского откупориваешь?

— Не в сухую же эту пышущую жаром курицу с яблоками скучно жевать? Не бось, Борисыч, сдюжим!

...Как водится на Руси, ранее святой, затем советской, а теперь олигархолиберальной, при появлении на столе свежей бутылки мужики нарочито серьезнеют, от анекдотов и игривых разговоров о бабах на некоторое время переходят к философическим рассуждениям.

— Так-то оно так, Васильич, но в пространстве интернетовском и отменные спецы практикуются, те же программисты, хакеры, создатели компьютерных вирусов: люди высокой научно-прикладной квалификации. Надеюсь, отрицать очевидного не станешь?

— Стану, Борисыч, и разобью твое убеждение в пух и прах!

— ?

— Да-да, в прах. Из названных тобою спецами исключительно являются только «вирусники». Но имею глубокое убеждение, что вирусы и антивирусы, то есть программы заражения и борьбы с таковыми, делаются одними и теми же людьми, вернее, лабораториями и целыми исследовательскими организациями, цель какового действия — извлечение денег из воздуха. Это я называю *принципом стекольщика*, что еще сто с лишком лет назад О. Генри в «Огнях большого города» блестяще описал как чисто американское бизнес-изобретение...

— Как же, помню: бежит по улице мальчишка и крушит булыжниками из мостовой окна, а следом его хозяин-стекольщик шествует: «Кому окно вставить! Вставляю окна...» Но все же остаются программисты, хакеры?

— Ты, Борисыч, незаслуженно высокого мнения о программистах. Это отголосок давних шестидесятих годов, когда вычислительные машины только появились, а слово *программист*, наряду с *физиком*, *космонавтом*, вызывало восхищение и восторг экзальтированных дам и школьников. Я же не зря пять лет по совместительству преподавал на вычислительном факультете, то есть говорю со знанием дела: программирование есть скучнейшая и монотонная работа, где можно и вовсе без головы включенной обойтись. Особенно в части современных программ высокого уровня, состоящих из миллионов условных строк. Программист только переводит на машинный язык уже разработанный умным постановщиком задач алгоритм. Чувствуешь разницу? Так-то. Именно поэтому на Западе наши любители подзаработать, мол, славны бубны за горами! — исключительно программистами трудятся. Тамошние высококобые этой нудятиной брезгают напрочь...

А хакеры... знаешь, Борисыч, в нынешних сериалах для домохозяек расхожий типаж, именуемый «компьютерным гением», — очкастый пацанчик пионерского возраста. Он же и хакер. Недалеки от истины создатели этих сериалов. Давай порассуждаем здраво. Если ребенку и взрослому человеку поручить одинаковую, некоторую условную работу выполнить, то каков их алгоритм ее исполнения? Ладно, Борисыч, разовью мысль. Взрослый, руководствуясь главным принципом поведения человека — врожденной ленью (все изобретения — от лени!), начнет обдумывать: как, не слезая с печи и не пачкая рук, выполнить заданный урок. И что-нибудь обязательно придумает и сдаст порученное в срок. А ребенок? Наблюдал, конечно, сам как дитя еще малоразумное, а разум только годам к двадцати-двадцати пяти пробуждается в осознанном виде, может часами монотонно перебирать всякие камешки, стучать подвернувшейся палочкой — хорошо не дубиной! — по столу, стулу, головке тож неразумного брата или сестренки... Он ищет и пока еще не может найти алгоритм решения задачи.

Нынешний человек, причем уже взрослый, перестроившись на сугубо компьютерное мышление, подобен такому мальцу. В чем алгоритм компьютерного вычисления? — Правильно, в монотонном переборе всех возможных сочетаний и так далее. Тож и «компьютерный гений», он же и хакер, бессмысленно перебирают цифири... хотя бы их и миллионы в одну кучу свалены. Самое существенное — защиту от хакерских взломов придумывают такие же компьютерные недолайкины. — Не по возрасту, конечно, но по уму... вернее, отсутствию такового. Своя своего понимай, переиначим присказку, поэтому хакер-недолайкин сравнительно легко взламывает защиту, выдуманную таким же компьютерным недолайкиным. Вот и ответ: почему серьезный человек, с развитым творческим, не цифровым, мышлением не годится на роль хакера...

...Долго, до темноты и сухого доньшка второй бутылки дагестанского горячились, беседовали наши теоретики. А черт, дьявол злокозненный, слушал их из угла и про себя усмехался над наивными людьми еще доинтернетовской формации. И бог располагает пока человек полагает!

♦ За пару-тройку вечеров Игорь Васильевич настолько наловчился вести интернетовский почтовый обмен с коллегами и авторами своего журнала, что даже испугался: чур меня! А не втянусь ли я ненароком в эту паутину, не стану ли в одночасье профессором-недолайкиным? И личный кот Скородумова по привычке к новому занятию хозяина, запрыгивал на рабочий его стол и немигающими глазами все наблюдал за движением рук по клавиатуре.

Но очень скоро появившееся было некоторое благодушие профессора к идеологическому врагу-интернету стало угасать. Надо сказать, что когда он вел переписку через журнального секретаря, то подписывался либо просто «главный редактор», а

чаще и вовсе — «редакция журнала». Теперь же пришлось указывать свою фамилию. Вот это и сыграло свою роль в дальнейшем общении профессора с всемирной паутиной, завершившимся актом французского синдрома... и полным обращением его в толстовцы.

Поскольку и исключительно для поднятия престижа своего журнала, твердо держа в памяти высказывания классиков марксизма-ленинизма «бить врага его же оружием» и «для достижения наших целей использовать все ресурсы классового врага», Игорь Васильевич во всю пользовался информационными возможностями интернета, не забывая порой приговаривать, что-де против лома нет приема. А проще говоря, все номера своего журнала, все свои издаваемые книги дублировал в электронном виде на наиболее солидных отечественных и зарубежных сайтах. Соответственно и его творческие биографии где только можно пестрели в всемирной паутине...

Теперь же всякий пользователь интернета мог запросто сопоставить его электронный адрес с *Ф.И.О.* столь известного в мировой науке ученого. Игорь Васильевич уже на первой неделе интернет-переписки понял: какого он дал маху, начав подписывать письма своим именем; знал бы заранее — так и продолжал использовать инкогнито «редакция»... Что ж, все мы, даже заслуженные профессора, крепки задним умом! Итак, как шеголяют латинизмами ученые люди к месту и не совсем, *a fortiori**... но здесь не меньшего маху дал и инструктировавший Скородумова секретарь Борисыч — во всем почти неподдельный дагестанский виноват! Сам многоопытный интернетчик, ранее зачитывая шефу по телефону новую почту, он, как само собою разумеющееся, опускал всякие благоглупости — от назойливой рекламы до откровенного мошенничества, что пышным веером прикреплялись к сугубо деловой почте.

Но — к делу скорбному. Поначалу его даже веселил «научно-коммерческий» спам. В каждый просмотр почты, что Игорь Васильевич производил через два дня на третий, на экране появлялись объявления — приглашения публиковаться в научных журналах, издаваемых на русском(?) языке в Польше, Чехии, Венгрии, но особенно почему-то в скандинавских странах: Норвегии, Дании, Швеции и даже в суровой стране викингов Исландии. Знающий профессор с вычислительного факультета объяснил при случайной встрече в «Наливайке» такую любовь столичных коммерсантов от науки к исторической родине варяжских (в основном из Одессы в Москву перебравшихся) гостей: «Там, Васильич, проще и дешевле всего зарегистрировать периодическое издание. Чистое разводилово для полных недоумков, но, наверное, кто-то и клюет: оплатят через интернет пять-семь тысяч за свою статью, получают по «бумажной» уже почте тоненькую тетрадочку «датского журнала», отпечатанного в Подмоскovie на ротапинтере и — радуются себе! Все одно такие «публикации» в научном реестре в зачет нигде не идут».

Где-то через пару недель освоения Скородумовым врага-компьютера стали приходиться от непонятого адресата, понятно, с обращением по имени-отчеству, письма с навязчивым предложением: «...Поздравляем Вас, уважаемый Игорь Васильевич! Мы приняли решение поощрить Вас, как выдающегося ученого и в связи с юбилеем великого <далее строго по «Календарю памятных дат» на текущий год следовали имена Лапласа, Эйлера, академика Остроградского и т.п.>, премировать 2000 рублями. Для перечисления просьба сообщить номер Вашей банковской карты. Остаемся Вашими...» Профессор Скородумов рассмеялся такому примитивному разводилу, но на всякий случай созвонился с Борисычем-секретарем. Тот заизвинялся, что ранее забыл предупредить: «...Игорь Васильевич! Ни в коем случае дальше не раскрывай таких писем, где в заголовке темы значится эта «сакральная» сумма именно в 2000 рублей!

* Исходя из более весомого, тем более (лат.)

К ним часто прикрепляют такой мощный вирус, что разоришься на чистке. А для чего это делается? — Даже знакомые хакеры не могли мне объяснить...»

Дальше — больше. Как потом сообразил профессор, круг интересующихся степенью его слабоумия при предполагаемом — с таким обилием степеней-званий в интернетовских биографиях! — финансовом изобилии продолжает расширяться от одного просмотра почты до другого. Много он чего нового из ареала интернет-мошенничества узнал за неполный месяц, в частности, что является он прямым и единственным наследником в базе почившего в штате Аризона миллионера, точнее с капиталом в 6500000\$, по имени Алан Скородумов. Об этом счастливого наследника известил на специально ломаном русском языке адвокат и душеприказчик покойного Джордж Смит, эсквайр...

Заставило его в начале расслабляющего жаркого августа, когда все люди, даже очень умные профессора, теряют бдительность, поначалу взволноваться письмо на бланке Федеральной службы судебных приставов, где значилось, что он должен был еще две недели тому назад закрыть долг по судебному постановлению номер такой-то от числа тоже такого-то... При неуплате оно «ваши счета будут заблокировать до полного погашения долга». Хлопнув для ясности расслабленного жарой сознания пару стопок водки из початой бутылки, что истекала слезой в холодильнике, Игорь Васильевич еще раз со вниманием прочитал тяжёбную бумагу и рассмеялся: сочинитель ее вовсе не знал его отчества и отсылался явно не по-судейски: «Здравствуйте, Игорь Скородумов». Явно не по-служебному звучала и концовка письма: «С наилучшими пожеланиями, ФССП России». Опять же исходный адрес судебного пристава-исполнителя не содержал принятого в этом славном ведомстве наименования домена *fssprus*, а звучал по-импортному; как перевел Игорь Васильевич на русскую транскрипцию: *броуэнхилл*. ...Уже в сентябре, после всех случившихся событий, профессор Скородумов не поленился сходить на вычислительный факультет, где друзья порекомендовали ему лучшего студента-хакера. Тот почтительно — снисходительно выслушал знаменитого профессора, несколько минут потанцевал пальцами по клавиатуре и выдал результат: адрес с упоминанием *броуэнхилла* зарегистрирован на Каймановых островах...

♦ Ближе к середине августа разводиловы становились все более наглыми, раздражающими Игоря Васильевича. Явно атакующие перешли к игре ва-банк. В один препакозный для интернет-неофита день Скородумов раскрыл почту и удивился обилию имен авторов его журнала и друзей-знакомых со всей страны и мира. Все эти письма содержали до удивления однообразный текст: адресанты вежливо-сочувственно, но и несколько настороженно сообщали, что они не прочь перевести запрошенную «дорогим Игорем Васильевичем» сумму для поддержания издания «Феноменов разума» на указанную им банковскую карточку, но только просят (уж не обижайтесь, мой дорогой!) подробнее объяснить: что же такое случилось с редактируемым вами журналом?

...Ответственный секретарь Борисыч был убежденным сторонником здорового образа жизни — редкие посиделки с шефом за дагестанским не в счет...— прослушав в десять вечера животрепещущие новости о пенсионной реформе, слава богу, он успел недавно себе ее оформить, строго по распорядку дня ложился спать. Поэтому был озадачен неуставным звонком шефа в половине одиннадцатого. «Игорь Васильевич! Ты, к сожалению, попался в лапы хакера, который взломал твой адресный ящик и теперь собирается обобрать твоих друзей и авторов журнала, понимаешь? Срочно разошли им всем отбойные письма с пояснением!» ...Что Игорь Васильевич, по-серьезному матерясь, что пугало доброго его кота, и делал до полуночи. В объясняющих письмах с глубочайшими извинениями, что всегда характеризует человека

безвинного, он добавлял, что отныне просит все присылаемое ему, как и ранее, адресовать на редакцию журнала, не упоминая его Ф.И.О. После чего *насовсем* отключил от сети рассадник дебилизма и мошенничества, отложив расправу с ним на раннее утро и прошел на кухню. Достал из холодильника дежурную початую бутылку, а ввиду разыгравшегося нервного ночного аппетита на закуску затеял жарку глазуньи с салом. Коту, чтобы не завидовал хозяину, налил блюдечко молока, а в едальную плоску положил его любимой пшенной каши, сваренной с мелко порезанной печенкой, щедро перемешав с психотропным китекетом...

Борисыча же пощадил, не стал будить среди ночи, отложив телефонный звонок о возвращении к прежнему *status quo* на наступающий — на часах начало второго ночи — день. «Будет день, будет пища», — пробормотал в унисон своим мыслям профессор-толстовец, совершенно забыв, что это присказка раздражает кота, который по своей биологической природе унаследовал от давних предков отряда кошачьих манеру есть ночью... Впрочем, и днем не отказывался — из уважения к хозяевам.

♦ Игорь Васильевич явно недооценил все коварство утренней тишины. Не только врач-психиатр в отставке Евгений Семенович Дорошенко наблюдал казнь «компа» и слышал рассуждения профессора о пагубности оцифровывания человечества. Сосед Перфильев — с пятого этажа, по диагонали влево его балкон от скородумовского — годами дряхл, но зрением и слухом хоть в космонавты записывайся! И все это наследственное: уже в третьем поколении, считая от забастовки иваново-вознесенских ткачей, где юным штрейкбрехером и доносчиком был его дед, все Перфильевы, как любители грамотности, испытывали неистребимую тягу к сочинению подметных писем. Впрочем, эта старинная русская забава... со времен новгородских берестяных грамот.

Уже заматеревший Перфильев-дед в годы *НЭП*'а своими доносами отправил в уездный *ДОПР*, *КПЗ* по-нынешнему, в полном составе два товарищества на взаимном доверии. Его старшой Егор в ежовщину целиковое руководство райкома под пятьдесят восьмую подвел — «десять лет без права переписки», но вскоре и сам загремел (не плюй в колодец...), едва успев увидеть новорожденного сына — нынешнего соседа Игоря Васильевича. Зато Перфильев-сосед вволю грамотностью своей натешился. Заодно оформил бумаги на отца и деда как жертв сталинизма (Перфильев-дед тоже плохо кончил...)

Но последнюю четверть века сосед Скородумова отчаянно скучал: доносы нигде не принимали, не до них было. Даже квартальный участковый ими брезговал. Только в самом начале новой власти, когда в столице из танков постреливали, а по радио и телевидению прямо призывали «неравнодушных граждан с демубеждениями» сообщать куда и о чем следует, воспрявший духом внучок день и ночь строчил. Правда, без каких-либо последствий для всего круга его общения...

Сейчас же, на девятом десятке лет своей интересной жизни, Перфильев-внук решил потряхнуть стариной, с интересом пронаблюдав утреннюю сцену и беседу двух неодобряемых им соседей: очень много мяшшего о себе профессора из второго подъезда и врача-психиатра из первого, у которого он когда-то амбулаторно лечился.

Позавтракав манной кашкой, сваренной незамужней дочерью, жившей в отцовой квартире, Рем* Егорович разложил на столе своей комнаты писчебумажные принадлежности. Черновик он писал, как положено, правой рукой, а набело, трудясь до седьмого пота, до самого вечера, выводил буквами, очень смахивающими на церковно-славянский полуустав, что характерно для правой, пишущих конспирологически левой рукой. Как и положено по сложившейся традиции, излагал он на сдвоенном

* Во второй половине тридцатых годов, когда крепили дружбу с Германией, детям зачастую давали имена немецких революционеров, причем противоположных убеждений: от Тельмана до Рема — руководителя штурмовиков. Поскольку Гитлер его расстрелял, то у нас он считался героем...

листе, вырванном из старинной школьной тетрадки «в клеточку», начав с сегодняшнего события: «Партия и правительство всемерно призывают к развитию цифровой экономики и к всеобщему использованию новейших достижений современной науки и технологий, в особенности — интернета, с использованием которого *наш* человек может активно участвовать в жизни страны, даже не выходя из дома»... Далее все таким же высоким, верноподданническим слогом Рем Егорович клеймил «якобы профессора» Скородумова Игоря Васильевича, указав его адрес проживания и место работы, который сего дня в 6.28 по московскому времени демонстративно выбросил со своего балкона компьютер и, обращаясь к отставному врачу-психиатру Дорошенко Евгению Семеновичу и дворнику-гастарбайтеру Селиму (фамилия неизвестна), а также к жителям их квартала, выгуливающих домашних собак (в нарушение правил — без намордников!), призывал последовать его примеру со ссылкой на некий французский синдром, но ведь натовцы истинному российскому патриоту не указ! ... И так далее на всех четырех школьных страницах в клеточку вырванного из пожелтевшей от долгого неиспользования доносной тетрадки (а в тумбочке еще давний запас тетрадок) Рем Егорович обосновывал идеологическую подоплеку дикого поступка профессора Скородумова. Кстати, не носящего галстук, курящего, иногда выпивающего, а главное — не уважающего футбол, «нашу национальную спортивную гордость»...

Завершив творение, Перфильев запечатал его в старинный, еще советского образца порыжелый конверт — опять же из заветной стопки таковых в тумбочке. Написал адрес. Марки на конверте не имелось, но по трехпоколенному опыту Рем Егорович знал: *куда надо* и нефранкированное* письмо дойдет! Другое дело: будут ли его читать?

♦ Весело на Руси жить! Но все до поры до времени. Когда молох глобализма поглотит, хотя бы и до последнего сопротивляющуюся, нашу страну, то на смену строгой процентной-биологической и социопсихологической норме чудаков, воров, клинических идиотов, нонконформистов и других «исключений из правил», что так разнообразят серую жизнь нашей северной страны, придет единый зомбированный *человек-ник*. Веселью в оцифрованном мире места не будет, поэтому, как распевали в шинках средневековые бурши: «*Gaudeamus igitur!*» То есть веселитесь впрок. Пока не поздно.

* Образованный еще в XIX веке Международный почтовый союз в качестве рабочего языка использует французский; отсюда и забытый ныне термин «франкированный», то есть с наклеенной на конверт маркой — знаком оплаты почтовой услуги.

Анатолий Андреев
(г. Минск, Белоруссия)

УНДИНА
Монолог Маринеско*
НОВЕЛЛА В СТИХАХ

Доктор филологических наук, профессор, писатель, член Союза писателей Беларуси, Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Член Президиума Общественной палаты Союзного государства. Автор 255 научных публикаций, в том числе монографий «Целостный анализ литературного произведения», «Культурология», «Психика и сознание: два языка культуры», «Теория литературы», «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Аксиомы персоноцентрического литературоведения» и др. Автор двенадцати опубликованных романов («Легкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Сквозь Млечный путь — железная дорога», пьес.

1

Нет правды на земле. Но правды нет и выше.
И ниже нет. В морских пучинах также
Ее не сыщешь. Иже с ними. Как же быть?
Идти своей дорогой, не ропща. И не сгибаясь.
Я это знаю — я, законно потопивший
Громаду «Густлова». Законно! И могу я,
Не опуская глаз, смотреть в глаза любому.
Но не любой.
Вчера опять среди кромешной тьмы,
Которая с глубинами морскими схожа,
Ко мне девчонка приходила. Да, во сне.
И робко так, оборки платья теребя,
Меня спросила — на чистейшем русском! —
Не опуская глаз: «Скажи мне, дядя,
Зачем убил мою ты маму,
Красавицу Мадлен,
Голубоглазую блондинку, чья вина
В том лишь и состояла, что она,
Супружескому долгу повинуюсь,

* Сведения об истории подвига Маринеско можно найти здесь:
<https://flot.com/history/events/marinesko.htm>

Вослед за мужем, в китель облаченным,
Взошла на палубу «Вильгельма Густлова».
Меня держала за руку. А я вдруг поскользнулась
На палубе той жуткой и злосчастной,
В тот жуткий мрак и жуткий тот мороз,
И больно стукнулась коленкой загорелой
О железяку. Было больно мне. Скажи
Зачем убил ты маму и меня, живую,
В пучине моря утопил?
Мне было страшно. Больно было мне.
Ты был когда-нибудь в аду? А я была.
На «Густлове», на скользкой палубе,
Был суший ад после твоих торпед.
Потом потоп всемирный, слава Богу,
Конец мученьям нашим положил.
Но прежде в том аду замерзла мама,
Вмиг обратившись в стройный обелиск,
Пусть ледяной, но гордый хрупкий столб.
И этот памятник страданию ушел на дно.
Сосулька — по железу — в воду. Вот марина
На все века и на все вкусы, правда?
Зачем? В чем виновата я перед тобой
Или пред Богом грозным? Иль пред кем еще,
Кто этим миром страшным правит?»
«Дорогая,—
Хотел я вымолвить —
Дитя мое! Спроси об этом
У дяди в строгом кителе, который,
За узкою твоей спиною прячась,
Десятки тысяч истребил девчонок русских.
В него я метил».
— А попал в меня...
— Я метил в китель ненавистный!
— Мишенью стала я...
— Ты знаешь, на войне...
— Как на войне, я знаю.
Как на войнушке. Заигрались все в войну.
И все позволено нам на войне. Я знаю.
— Да ты здесь ни при чем!
— Я знаю. Но без мамы
Как мне теперь шагать в глухую вечность
С моей больной коленкой? И без мамы!
Одной! Ведь это ты привык
По океанам шарить в темноте
На субмарине на весь мир известной,
На всей земле, и даже выше. Ну, а я...
К ужасной и холодной темноте
Я не привыкла. Да и не привыкну впредь.
— И что ж, всегда ко мне ты станешь
Прогулки совершать в глухую полночь?

А, кстати, как тебя зовут, красавица?
— Зовут меня... Кому какое дело?
Какая разница? Меня ведь нет.

Она, не опуская глаз пустых,
Исчезла вдруг. Рассвет пленительный,
Раскрасив бледный неба холст,
Взошел над миром.
Но не надо мной.
Не над моей душой, измученной
Виденьями ночными.

2

И день прошел в обычной суете. Гражданской.
В трудах, дабы добыть кусок насущный.
Взошла луна над морем. По волнам,
По светлой ряби, столь любезной взору,
Трудяга-катер мирный, словно в гору,
Из сил последних рассекал залив,
Отпугивая сон мой долгожданный
Игрушечным гудком. И в этот час,
Стирая грань меж явью и виденьем,
Вновь появилась девочка. Клянусь,
Я был обрадован не меньше,
Чем в тот момент, когда мои торпеды,
Моей команде повинуюсь, взяли
Смертельный курс на «Густлова». — Привет! —
Сказал я, гордо глядя ей в глазницы.
Зияющие. Круглые. Пустые.
Пытался все глаз голубых сияние
Представить. И — не мог.
— Привет, малютка!
Хочу сказать тебе сегодня громко
Я нечто важное. Давай поговорим
Начистоту. Про «Густлова». И все на свете.
Давай расставим точки все над всеми i.
— Давай,— она сказала просто и — клянусь! —
Сияньем голубым меня облила снизу,
А получилось — с высоты ребяческого роста.
В груди моей тучнел шершавый ком.
Кошмар привычный вдруг подкрался тучей.
Холодным потом все чело взялось.
Но я, преодолая чувство долга,
И чувство самосохранения,
И робости геройской,—
Преодолая слабости свои,
Себя взял в руки. И встряхнул, как следует.
— Давай. Следи за мыслью. Знаешь, что такое?
— Про мысль?

— Да, что есть мысль. Тебе известно?
— Не очень. Моя мамочка, Мадлен моя, меня
Ввела бы в курс... Ну, в общем сам ты знаешь,
Что дальше я сказать хотела. Извини,
Что причинила боль тебе. Невольно.
Проблема в том, что вся я состою из боли.
И соли. Что ж, давай следить за мыслью.
— Да, да, конечно же, давай. Давай, конечно.
Послушай-ка, а ты не по годам умна.
И хороша не по летам. Давно
Спросить хочу я: сколько тебе лет?
— Подростком я была. Тринадцать стукнуло.
Последним моим летом. Пред последнею
Зимой. Джульетте Капулетти будто.
Моей любимой. Знаешь ты о ней?
— Давай уж лучше проследим за мыслью.
Был договор.
— А я не против. Начинай.
— Что бишь сказать тебе хотел я... Об одном
День целый думал непрестанно. Ты скажи...
Ну, в общем... Я не знаю, как начать...
— Начни смелее. Ты, ведь, говорят,
Не робкого десятка. Нет? И храбрости
Тебе не занимать. Все лишь о том и говорят.
— Да, знаю, знаю.
— Так смелее, мой капитан.
— Одна мне мысль покоя не дает.
— Какая мысль?
— Скажи мне, девочка, скажи,
Моя Ундина, если бы ты вдруг
Была бы... скажем, дочерью моей.
Да погоди ты мило улыбаться!
— Была бы дочерью твоей. И что же?
Что ты хотел сказать?
— Гордилась бы ты мной, моя Ундина?
Уф, груз долой, сумел произнести.
— А было нелегко?
— Едва хватило сил.
— Конечно, тяжело. Представить даже тяжко.
Вопрос, конечно, не из легких.
— Вопрос дурацкий, ты сказать хотела?
— Вопрос глубокий. Я совета бы, наверно,
Спросила у Мадлен своей любимой.
— Пойми, гордилась бы ты мной,
Как я тобой горжусь? Вот в чем вопрос.
— Ах, Маринеско... Мне уж, право слово,
Давно как все равно. Я стала
Людей бояться, перестала их понимать.
Совсем запуталась: где есть моя вина,
А где — беда? За что нас так?

И в чем неправ был фюрер?
И был ли он хоть в чем-то прав?
Моя Мадлен святая — чем она не угодила?
И кому? Ах, Маринеско, отпусти
Меня из снов своих! Прощаю я тебя.
Не мучь меня. Гордиться же тобой
Не в силах я. Подумай сам. Следи за мыслью.
— Ундина, нет, не уходи! Нет, нет!
Не покидай меня в ночи
И в одиночестве моем постылом!
— Не надо было убивать меня. В невесты,
Глядишь, сгодилась бы тебе. Шучу.
— А мне уж не до шуток. О, не уходи!
Что буду без тебя? Так, казусом войны.
Обрубком. И обломком. Матерьялом.
С тобою ж рядом чувствую себя
Я человеком. И...венцом творенья.
— В своем ли ты уме, о, Маринеско?
— Не знаю я. Иные полагают,
Что я герой; иные так гордятся
Персоною моей, другие — проклинают.
Себе я цену знаю. Но другим
Цена в базарный день — полушка. Медная.
— Послушаешь тебя — ты без греха, однако.
— Кто ж без греха? Я вспылчив и горяч.
Немного я угодник дамский. Вот и все.
Пожалуй, все, как на духу.
— А мне зачем все это знать?
Я ведь ребенок. Иль желаешь
Ты ревностью моею насладиться?
— Не знаю я. Не уходи.
— Пора. Давно пора мне.
— Куда? Ведь у тебя в запасе вечность,
А у меня — с десятков снов инфарктных
И целебных вместе. Не спеши.
— Нет вечности, мой милый Маринеско.
Есть только миг, подобный вечности. И тот
Ты отнял у меня и у Мадлен моей
Любимой.
— Ладно. Будь по-твоему. И все же
Скажу тебе последнее мое желанье.
Мне сон последний подари!
Упиться дай мне роскошью общения с тобою.
А также и с собой. Под занавес. Что ж ты молчишь?
— Борюсь с собой. С желаньями своими.
Ну, так и быть. До завтра, до полуночи. Пока.
Я поспешу к своей Мадлен. Роднее
На этом свете у меня нет никого.
Да и на том. Подруг я не ищу. Пока.
И вновь рассвет мне был врагом: он похищал

Бесценные мгновения у жизни,
Которая все более напоминала мне
Мой сон.

3

Ундина! Ах, зачем явилась ты ко мне,
Герою? И зачем покой нарушила, смутила душу?
Тебе ведь все равно там, неизвестно где,
А мне бы — жить да жить. Но не судьба.
Как объяснить мне вам, гражданским людям,
Что есть война?
Неужто формула войны —
Проста, ужасна и — негероична?
Что, уж не Марс могучий, и не рыцарь
На белом и лихом коне есть символы войны,
А воин в безупречном том мундире,
Изящно скроенном да ладно сшитом,
Тот воин, у которого рука по локоть
В крови Ундины убиенной утопает,
Голубоглазой и прелестной?
Чумы коричневой, Я, победитель,
Отныне не герой — убийца жалкий? Так?
Но нет! Такого быть не может!
Абсурд и клевета! Ведь мы тогда
Лишимся всех героев! Всех! До одного!
Не только Маринеско, но сам Грозный-царь
Сомнительный герой тогда, не правда ль?
Опричник и злодей, не более того.
А Петр Великий — он герой или тиран?
Попробуйте его отмыть вы руки
От крови тех, кто прорубал окно в Европу
Согласно императора приказу, —
В Европу ту, которая топила
В крови мою Отчизну? А Георгий Жуков,
Тот воевода, что заставил захлебнуться
Кровинушкою русскою так верно
Фашистов-нелюдей, сынов Европы славной?
Отнюдь не меньше он фашистов
Положил, а больше. И гораздо больше!
Не полководец он? Лишь кровопийца,
Усерднейший служака? И всего-то?
И — страшно вымолвить! — отец народов,
Генералиссимус Иосиф Сталин,
Суровый гений чей страну укрыл
От верной гибели, — он тоже лишь мерзавец,
О ком стенают миллионы жертв?
И памятник ему — кощунственный проект?
И тухлая затея? Мне ответьте!
А Минин-гражданин? А князь Пожарский?

По-вашему, все, все, все, все герои —
Лишь свора штрафников и гопников?
Головорезов недобитых? Подколотных гадов?
Неужто все герои — лишь наполовину,
А остальное в них — преступники и жертвы вместе?
И Маринеско — в том ряду? О, боги!
А кто ж тогда всех защищает вас от смерти?
От гибели? Ценою гибели и смерти,
Само собой, иного не дано.
И бросите вы камень свой в меня —
А попадете им в историю людей,
Кровавую, но славную. Бросайте!
Без стеснения! Но при этом знайте:
Кто первый камень бросит в нас, тому
Людей не жалко. И тот жизни враг.
А значит, и мой личный враг.
Нам не договориться.
И что же получается: Ундина —
Всего лишь щепка, а война есть рубка
Леса темного?
Ответ такой:
Идите все вы к черту, упыри!
Ундину я убил. Но если б дрогнула
Моя рука, если бы толику сомненья
Я в сердце заронил хоть на секунду,
Тогда бы превратился я в убийцу
Банального. А я герой.
Банальный. Но герой.
И званье это я никому на свете не отдам.
С собой в могилу его я унесу.
Все точки над і расставлены?
Не знаю. Не уверен. Я люблю Ундину.
Улыбочки кривые? Мне плевать.
Моя любовь вся состоит из боли.
А вы — идите к дьяволу.
Теперь я все сказал.
«А, вот оно! — вскричали упыри.
— Герой раскаявшийся — не герой,
А так себе — слабак. Отсюда сопли,
Истерика, приятель. Неприятно
Услышать возражения убийственные? А?»
Краплеными я не играл и не играю.
Ответ мой четок, тверд и однозначен:
К черту, упыри!

4

И вечер был. Вот и гудок. Игрушечный.
— Ты слышал, Маринеско, ту сирену
Тот стон «Вильгельма Густлова»,

Идущего на дно? А? Маринеско?

Моя Ундина так меня встречала
В последний вечер наш, переходящий в ночь.
— Прощальный вой девятипалубной громады
Не смог своим гнусавым басом,
Срывающимся то и дело на фальцет,
Отчаянные вопли заглушить детей.
Как небеса могли простить сей вопль
Пронзительный всем людям? Не тебе,
Назначенному крайним,— не тебе,
А роду человеческому вкупе?
— Под ту сирену, что в дуэте с воплем,
Я засыпаю мертвым сном под утро.
И просыпаюсь нехотя. Хотя
Не сплю ни капли.
— Ой ли, Александр?
— Ты мне не веришь? Слово офицера!
— Спокойной ночи — то не про тебя?
— Нет, нет, увы, не про меня. Но цель
Была законна! Лайнер фрицев
Был боевым. Военным кораблем. И точка.
— Боевым.
С детьми. И женщинами. И со стариками.
— Ты хочешь на меня грехи войны списать,
Моя Ундина? О, не торопись.
Уже ты опоздала. Сам себе я
Свой высший суд. И сам себя я
Хоть оправдал, но не простил. С тебя довольно?
Спасибо, кстати, радость, что пришла.

Тут тихий ангел пролетел. Моя Ундина
Молчала долго. Наконец, потупив очи,
Она спросила тихим голосом:
— Скажи мне,
Что было там написано по-русски,
На тех торпедах? Мелом? Зло? Не помнишь?
— «За Сталина!», «За Родину!» Как принято
Перед решающим сраженьем. Эти крики
Немые дух нам поднимали
И заглушали страх.
— Зачем же, смертники, вы не писали «За Любовь»?
— Так разве пишут — «За Любовь»? А мы не знали.
— Когда так пишут, то торпеда сразу
Теряет смертоносный свой запал.
Она становится куском железа
Бесполезным. Ну, а «Густлов»
Куском железа бесполезным не был.
Он домом был всем нам, пока не стал могилой...
— Но «За Любовь» ведь лозунг не войны;

Любовь — послевоенный лозунг. Чтобы
Врага разбить, озлиться надо и возненавидеть.
Иначе миру не бывать.
Сначала — победить. Потом — любить.
— Мне лишь тринадцать. Пусть и навсегда.
Я лишь любить училась,
И до ненависти лютой
Мне было далеко. Да и зачем?
Ты шел через войну к любви, а я с рожденья
Постигла эту истину простую.
Я — девочка. Была. До той «атаки века».
До апокалипсиса. Нет, ты дьявол, Маринеско.
Детей погубило много тысяч.
Ведь это целый город, Александр Иванович,
Страна большая. Что там — целый мир!
Под корешок ты рубанул отменно, Маринеско.
— Ундина, ты на Леонору милую
Похожа. Когда злишься.
— Кто такая?
Очередная верная твоя любовь?
— Нет-нет, любовь навеки. Дочь она моя.
Но есть еще и Танечка, Танюша...
— И тоже шведка? Что за совпадение!
— Моя Ундина, полно. Танечка — моя душа.
Моя дочурка нежная.
— И значит, представить можешь ты себе легко
Все наши чувства с мамой.
— Да, легко. Не представляешь, как легко.
— Еще кого любил?
— Еще была Валюша. Нет же, целых две
Валюши. И еще... И много я кого любил, Ундина.
Я за любовь сражался — вот в чем штука.
— Неправедными средствами сражался.
— Ты говоришь, как политрук. Но ты же девочка,
Ундина! А про средства... Они были законны.
И не я законы те писал, а бог войны. И Родина.
— Скажу я так: ты слишком многих
Любил. Да, слишком многих. Хотя мне дела нет.
Да и самой меня не существует.
— Не говори так, умоляю. О, не надо!
Ты для меня реальней всех живых.
— Ну, слушай же, что я скажу тебе, живая.
Не обижаться только, чур. А впрочем,
Тебе решать. Готов ты слушать?
«За Родину!», ты говоришь. И что ж твоя страна?
Что родина? Она ведь и сгубила
Тебя своей «атакой века». Верно?
И поделом! Про «аз воздам» ты слышал?
— Не Родина меня сгубила! Нет!
— Но ты ведь не «Герой»!

— Не Родина!
— А не «Герой» — так самозванец.
Кровопийца! И ворюга!
— Не Родина! Мне Родина — простит,
Как я простил ей все. И даже больше.
Но есть хмыри и упыри — вот их-то
Я не прощу уж никогда. И ни за что.
А «именем народа» —
Они умеют это исполнять.
Вот их бы всех на «Густлов» — и рука б,
Не дрогнула, клянусь. Фашистов хуже
Рои завистников, так плавающих мелко.
— Ты это смог бы. Ты — морской убийца.
Ты гениально одаренный дьявол.
— Ты ошибаешься. Хотел я в море
Ходить, быть моряком. Но не военным.
Торговым, например.
— Торговым. Мирным. Ой ли!
Сомнение терзает тут меня.
Ты прирожденный хищник, ты из тех,
Позволено кому не думать, нажимая на гашетку.
Позволено приказам выполняя, тем совесть очищать.
Позволено вам быть не человеком,
Но воином, убийцей хладнокровным.
Вы хладнокровные и есть, герои! Гады!
Я ненавижу вашу доблесть подлую.
Довольно! Сколько нас, убитых,
Придет к своим убийцам! Но вы тоже
Убиты все, убийцы. Мертвецы вы.
Вот правда в чем — и на земле,
И выше. И во глубине. И — и везде.
И это правда всех убитых. Не убийц.
— Довольно! Стоп! Я, командир подлодки К-13,
Приказываю вам, Ундина, бросить
Все эти мысли вредоносные,
Ведущие не в рай, но в ад.
— В пучину,
Сказать хотели вы, маэстро Маринеско?
А кстати, что есть Маринеско,
Как не пучина моря? Как не бездна
Морская? Как не впадина на теле бездны?
Маринеско Александр Иванович, так ли?
— Ундина, стоп! Ты не беси меня!
Ведь скор я на расправу, и до трех
Считаю я единым махом.
— Так говорят машине, Маринеско, — «Стоп!»
Машине, Александр Иванович, дражайший.
А нам, ундинам, все команды ваши
Влетели в ухо — и не задержались,
Нелепые и жалкие словечки,

Бодрящие матросов и старшин. «Стоп, стоп...»
 Командуйте своим старлеям, а также адмиралам.
 — Извиняюсь. Я горяч. Бывает.
 — Вы извиняете себя, как вижу.
 — Нет-нет, прошу у вас прощенья.
 — Прощения просите у Мадлен голубоглазой
 И у дочери ее.
 — Так я же и прошу!
 У вас и у нее. Иль вы не дочь ее?
 — Ундиной я зовусь, я — дочь всех матерей,
 Погибших со своими дочерьми,
 Я — та... А впрочем, не дано понять вам, мой капитан,
 Третьего ранга капитан.
 — Не говори, что не живая ты, Ундина!
 — Опомнитесь, безумец Маринеско,
 Герой и дьявол, Александр Иванович.
 — Да, да, конечно. Я в порядке, полном
 И окончательном порядке. Я надеюсь.
 — Тебе нужна психиатрическая помощь,
 Мой капитан.
 — Нет, чур меня!
 Спаси и сохрани от этих санитаров!
 Уж лучше сразу — в петлю. Так спокойней.
 — Уж лучше в море. Я шучу.
 Ох, что-то я шучу немало нынче.
 Ох, что-то весела я чересчур.
 Да ладно. Ведь могу себе позволить
 Хоть изредка, хоть что-нибудь такое
 Невинно женское, пусть женщину во мне убили.
 Ах, Маринеско, вы не убивайтесь так. Бывает,
 Как вы изволили сказать. С кем не бывает?
 Теперь мое последнее желанье:
 Давай продлим очарованье —
 Давай продолжим наши сны и наши встречи?
 Что скажешь, Александр?
 — Откуда имя
 Мое ты знаешь?
 — Кто ж его не знает?
 Герой ты, и увековечен.
 Спроси любого — и тебе ответят:
 «Как вы сказали? Маринеско Александр? Герой!»
 Не то, что я, безвестная, и в лету,
 Безвестно канувшая — в море
 Балтийское, хотела я сказать.
 В залив прелестный Данцигский. В пучину.
 Так что же, капитан, мне завтра приходиться?
 — Прошу я! Умоляю! Буду ждать я.
 Вот только боль акулою мне впилась
 Под левый бок. Торпедою-занозой
 Пронзен. Стоять нет мочи. Принужден я

Прилечь. Тельняшка жмет.
До завтра.
Если доживу...

5

Я, Александр Иванович Маринеско,
При трезвой памяти, уме неповрежденном,
Пишу свое предсмертное письмо
Химическим карандашом —
Моей Ундине. Ей лишь в руки
Клочок бумаги должен сей попасть.
Секретно совершенно. Даже рыбам
Я не доверил бы своих каракуль вопль.
Знать не должна душа живая ни одна
В подлунном и бездонном нашем мире,
О чем мы с нею говорили откровенно.
Признание совершить хочу и тем облегчить душу.
Я умер в пятьдесят. Советский офицер.
Отец мой был румын. Из рода Маринеску.
Мне на роду написана связь с морем,
С глубинами его. И тайнами.
Подводником родился я на свет.
И потому на острие атаки века
Был профиль мой. Я вопреки приказу
Сменил свой курс. И вот на горизонте —
Громада «Густлова». О, фон Вильгельм!
Какая, брат, удача! Цель какая!
Убит ты будешь дважды. А претензии — к судьбе.
Все три торпеды аккуратно легли по ватерлинии.
Все три торпеды — враз! —
Попали в цель.
И цель та — я.
Я, Маринеско Саша,
Рожденный в городе Одессе,
В году двенадцатом. Полвека прожил. Год за десять.
Но разве это возраст для героя?
Хотя мне кажется, что пал я жертвой
Атаки века, задолго до похорон —
Еще тогда, в блестящем сорок пятом.
Комдив Орел, мой адмирал, к Звезде
Меня представил. Только адмиралы
Другие попадались. И они повычитали
Из подвига вину —
Не перед ВМФ, как им казалось,
А перед... В общем-то, вину перед тобой,
Моя Ундина. Это справедливо.
Я не ропщу. Я — не Герой
Советского Союза. И атаку века
Теперь уж обратили на меня

Согласно правилам военного искусства.
И я, подобно «Густлову», иду ко дну.
Герои долго не живут. Такая вот история.
«Эска»-13 — это не малютка!
Тринадцать было экипажей «эсок»,
Тринадцать субмарин. Одна лишь уцелела.
Под номером тринадцать. Как понять все это?
Судьба здесь или счастье?
Непруха или фарт?
Того не знаю я. Но адмирал мне верил.
И шведка верила, красавица, блондинка.
«Ее любил ты?» — голос слышу твой, моя Ундина.
Не знаю я. Вот право слово. Я всегда
Был офицер. Женат я был на долге,
С приказом обрученным. Это правда.
Но я не совесть очищал, приказы выполняя,
А брал ответственность. Такой вот роковой нюанс.
Все это, собственно, тебя не воскресит, моя Ундина.
Я это знаю. И... мы оба это знаем. И...
Да что там говорить.
Прости, что не дождался.
Прости, что не сказал всего,
Что мог еще и должен был сказать.
Прости.
И — честь имею!

PS. SOS, SOS, SOS...

6

PPS. И вечер пал. И выл гудок. Игрушечный.
Пришла Ундина в сон пустой и горький
Привычную тропой. А Маринеско...
Его уж не было. Уже уплыл он, своевольно
Сменив свой курс и своенравно
Бессмертье променяв на вечность.
И прощенье, которое она несла с собой,
Уж было лишним. И безадресным.
И ждал ее сюрприз: она хотела,
Сама того не ведая, прощенья
Затребовать у капитана.
Капризное и странное желанье,
Запретное, быть может, даже в чем-то
И бессердечное! Но честное.
А он бы оценил. Он бы все понял. Но —
Увы! И из пустых глазниц закапали
Горячие слезинки, добавляя
И горечи, и соли в море,
Не облегчая горя, но напоминая
О нем всем тем, кто вопреки всему

Избрал стезю героя.
«Маринеско!
Зачем ушел из снов
Моих ты навсегда?
Письмо твое я получила;
Но ты не попрощался, как того желал,
Не отпустил, а — привязал меня сильнее.
Зачем ты так со мной?
Я знаю: убивая мамочку, Мадлен,
А с ней меня, голубоглазую Ундину,
Ты убивал себя, спасая остальных,
Чье имя — все.
Ты поступал по совести
И следуя приказу. Мир спасал ты,
Спасителю подставив
Свое плечо в погонах, со Звездой.
И чувство долга, уж конечно,
Тобой довольно, и сполна.
Гордилась я б таким отцом! Ты слышишь?
Да, правда есть, хоть правда непроста:
И горькая, и сладкая, и с солью.
Но... правда правд ты знаешь, в чем, мой капитан?
Война пусть никогда не повторится.
Далее
Слова бессильны.
Все.
Прости.
Прощай.
Твоя Ундина».

